ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 142 (3171) Вторник, 1 декабря 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Сессия Всемирного Совета Мира (1 стр.).
Е. Ванин. — Приезжайте в Шемышейку! (2 стр.).
Т. Джатиев, Гафез. — Что мешает учиться детям колхозника Маргиева (2 стр.).
И. Белов. — Резервы одного города (2 стр.).
Письмо в редакцию. Бесправное отделение издательства (3 стр.).
М. Ауэзов. — Заметки о теории советской драмы (3 стр.).
Степан Щипачев. — Путь к поэзии (3—4 стр.).
Сергей Юткевич. — Молодость Албании (4 стр.).
Н. Разговоров. — Цинизм, пахнущий провокацией (4 стр.).

Сессия Всемирного Совета Мира

ПОСЛАНИЕ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

организациям и деятелям, которые желают смягчения международного напряжения

Заключенное в Корее перемирие породило в мире, охваченном в течение стольких лет тревогой, надежду на то, что напряжение в отношениях между великими державами наконец-то ослабнет. Но начатые переговоры непрестанно наталкиваются на новые и новые преграды. Достижение соглашения по другим вопросам, жизненно важным для мира во всем мире, представляется трудным.

Однако народы жаждут смягчения международного напряжения. Экономические ограничения и политическое давление, сопутствующие международному напряжению, все более тяжким бременем ложатся на плечи народов.

Мы считаем, что есть возможность вывести мир из этого состояния.

Различные политические и общественные силы действуют теперь во всех странах в пользу смягчения международного напряжения.

Растет число видных представителей науки, духовенства, видных политических деятелей, которые теперь осуждают применение оружия массового уничтожения. Общественное мнение встревожено растущим накоплением всевозможных видов вооружения.

Все здравомыслящие люди констатируют, что невозможно урегулировать проблемы мирового значения и обеспечить полноценность соглашений, если они заключены без участия правительства Китайской Народной Республики.

Авторитетные представители всех политических партий большинства стран Западной Европы публично высказываются против возрождения германского милитаризма в какой бы то ни было форме.

В этих условиях мы считаем, что следует объединить усилия всех организаций и деятелей, которые желают смягчения международного напряжения. Резолюция, принятая Всемирным Советом Мира 28 ноября 1953 года, излагает нашу точку зрения по этому вопросу. Становится необходимой согласованная подготовка встречи, которая позволила бы свободно сопоставить различные точки зрения и рассмотреть возможные решения. Созыв в ближайшее время международной встречи такого характера явился бы сам по себе важным фактором смягчения международного напряжения.

Общая резолюция Всемирного Совета Мира

Обращение в пользу переговоров, принятое будапештской сессией Всемирного Совета Мира, получило горячий отклик и встретило самую широкую поддержку. Благодаря этой кампании идея урегулирования международных разногласий путем соглашений, приемлемых для всех, с каждым днем становится все более популярной и приносит свои плоды.

Прекращение военных действий в Корее явилось победой дела мира.

Что касается Германии, последний обмен нотами между великими державами доказывает, что созыв конференции четырех великих держав возможен в короткий срок.

Что касается Индо-Китая, идея прекращения военных действий и мирного урегулирования завоевывает все более широкие слои общественного мнения как во Франции, так и во Вьетнаме.

Однако силы, противящиеся смягчению международного напряжения, используют слово «переговоры» для маскировки действий, имеющих целью продление холодной войны. Ставить своего собеседника перед свершившимися фактами — не означает стремления к переговорам; пытаться создать условия для срыва переговоров — не означает желать их.

Как в Азии, так и в Европе обстановка в некоторых районах и некоторые конфликты представляют особую угрозу для дела мира.

В Корее переговоры — под угрозой. Стремление исключить нейтральные страны и, в частности, Индию из состава политической конференции, которая главным образом затрагивает интересы Азии, может сорвать переговоры. Народы не допустят возобновления военных действий в Корее.

Интересы безопасности Европы требуют скорейшего урегулирования германской проблемы, такое урегулирование возможно только путем соглашения между 4 державами — между США, СССР, Англией и Францией. Единственным препятствием на пути к этому соглашению является стремление одной из сторон восстановить германский милитаризм и включить Германию в военную коалицию, направленную против другой стороны.

Всемирный Совет Мира призывает народы Европы воспрепятствовать ратификации договоров о «европейской армии» и восстановлению германского милитаризма в какой бы то ни было форме. Тем самым был бы открыт путь к соглашению между четырьмя державами по германскому вопросу—соглашению, которое обеспечит немецкому народу перспективу мирного будущего и даст всем народам Европы гарантию против восстановления агрессивных сил в Германии.

Между Францией и Вьетнамом уже 7 лет идет война. Этой войне могут положить конец только прямые переговоры между воюющими сторонами. Всемирный Совет Мира приветствует предложение, внесенное в этом смысле делегацией Демократической Республики Вьетнам и поддержанное делегацией Китайской Народной Республики. Это предложение, на которое французская делегация дала благоприятный ответ, может явиться основой для урегулирования.

Всемирный Совет Мира всегда утверждал, что иностранное вмешательство, иностранная военная оккупация, строительство военных баз на чужой территории представляют собой угрозу одновременно для независимости народов и для дела мира.

Распространение такой политики наблюдается в странах Ближнего и Среднего Востока, в Латинской Америке, в Африке. Оно особенно проявляется в Европе, где предпринимаются попытки создать «европейское оборонительное сообщество» и создаются американские атомные базы в Испании; в Азии, где осуществляется иностранная оккупация, усиливается перевооружение Японии и где США настойчиво пытаются создать военные базы в Пакистане. Эта последняя попытка грозит распространением военного психоза среди сотен миллионов людей еще в одном районе земного шара.

Все возрастающая гонка вооружений и производство оружия массового уничтожения представляют собой невыносимое бремя и страшную угрозу для всего мира.

Всемирный Совет Мира в ходе своей кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием и в решении Варшавского конгресса привлек внимание всего мира к этой проблеме. Всемирный Совет Мира выражает сожаление, что ООН не достигла еще соглашения по этим вопросам, и высказывает пожелание, чтобы продолжались усилия в целях безусловного запрещения атомного и бактериологического оружия и значительного сокращения всех видов вооружений с установлением действительного контроля.

Наконец, Всемирный Совет Мира напоминает, что, если необходимо, чтобы переговоры были начаты по всем отдельным проблемам, он все же всегда считал и считает, что наиболее эффективным орудием смягчения международного напряжения остается конференция пяти великих держав.

Эта конференция сможет по инициативе любого участника обсудить любую проблему, рассматриваемую как одну из причин международного напряжения, и изыскать общие, приемлемые для всех соглашения.

Упорный отказ признать за Китайской Народной Республикой ее законное место в международных инстанциях по урегулированию международных дел является препятствием для созыва конференции пяти великих держав.

Этот отказ, идущий вразрез с интересами всех государств, все более сурово осуждается мировым общественным мнением.

Устав Организации Объединенных Наций предоставляет в распоряжение народов инструмент, позволяющий установить прочный мир. Народы должны добиваться соблюдения Устава. Посягательства на Устав поставили весь мир перед большими трудностями. Возврат к букве и духу Устава поможет народам обеспечить свою безопасность и независимость и создать возможность для подлинного сотрудничества наций в целях развития их экономических ресурсов, благосостояния и культуры.

Тревога и страх, нищета и нужда, которые в результате холодной войны и гонки вооружений тяжелым бременем ложатся на плечи людей, могут и должны быть устранены путем борьбы народов, от которой в конечном итоге зависят судьбы мира.

Обращение ученых—участников сессии Всемирного Совета Мира к ученым всего мира

Ученые, присутствующие на сессии Всемирного Совета Мира, сознавая страшную разрушительную силу оружия массового уничтожения, призывают своих коллег во всем мире вести энергичную борьбу за запрещение этого оружия.

Они призывают поддержать усилия всех тех, кто хочет, чтобы наука не могла бы больше использоваться в целях разрушения и чтобы она была поставлена на службу человечеству.

О развитии культурных связей между народами

Рекомендация Комиссии Всемирного Совета Мира по вопросам культуры

Предыдущая сессия Всемирного Совета Мира правильно показала необходимость и возможность широкого развития культурного обмена, который является ценным фактором, содействующим ослаблению международного напряжения.

Мы с радостью констатируем, что вопреки все еще многочисленным трудностям с тех пор уже достигнуты значительные результаты.

В то же время мы отмечаем, что в ближайшем будущем могут быть достигнуты еще большие успехи. Откроются необъятные перспективы, если каждая организация и каждый человек, которым дорога культура своей страны, а также мировая культура, возьмут в свои руки установление контакта и проведение на основе взаимности плодотворного культурного обмена в международном масштабе.

Движение сторонников мира обеспечивает свою полную поддержку многочисленным начинаниям, уже имевшим место или предусмотренным, как, например, посещения, обмен делегациями, произведениями искусства, литературными, научными и иными изданиями, международные выставки, контрессы, встречи и поездки ученых, артистов, спортсменов и т. д.

Мы обращаемся ко всем организациям и отдельным деятелям, заинтересованным в развитии культурных отношений между народами, призывая их множить подобные начинания и осуществлять сотрудничество, которое будет тем действеннее, чем оно будет шире.

Избрание новых членов Всемирного Совета Мира

На заключительном заседании сессии Всемирного Совета Мира были избраны следующие члены Всемирного Совета Мира:

1. Аукати Джалал — служащий (Ирак),
2. Кастро Балтасар — председатель палаты депутатов (Чили),
3. Чанка Альберто — бывший министр (Италия),
4. Герасимов Сергей — кинорежиссер (СССР),
5. Гильен Николас — поэт (Куба),
6. Лефснес Кнут — юрист (Норвегия),
7. Машта Абдул Карим — писатель (Ирак),
8. Менотти Кларенцо — преподаватель (Италия),
9. Шарф Эрвин — писатель, председатель Социалистической рабочей партии (левые социалисты) (Австрия),
10. Сорокин Валентин — экономист (СССР),
11. Морроу Уильям — химик (Австралия).

Избрание новых членов бюро Всемирного Совета Мира

На заключительном заседании сессии Всемирного Совета Мира были избраны следующие новые члены бюро Всемирного Совета Мира:

1. Амаду Жоржи — писатель (Бразилия),
2. Фелтон Моника — писательница, лауреат международной Сталинской премии мира (Великобритания),
3. Притт Д. Н. — королевский советник, президент английского комитета защиты мира (Великобритания),
4. Сурков Алексей — поэт (СССР),
5. Уэйнрайт Уильям — химик (Великобритания),
6. Оливер Мариа Роса — писательница (Аргентина).

Великая цель

Закончила свою работу сессия Всемирного Совета Мира в Вене. Делегаты, представляющие 59 стран, единодушно приняли решения, которые позволят объединить усилия всех, кто стремится преградить дорогу войне и добиться смягчения нынешней напряженности в международных отношениях.

Почти год тому назад в Вене заседал Конгресс народов, призвавший правительства великих держав, во имя сохранения и упрочения мира, стать на путь переговоров. В марте 1953 года в Вене собралась комиссия, которой было поручено провести в жизнь решения Конгресса. В воззвании, с которым обратилась эта комиссия, подчеркивалось, что достижение соглашения между пятью великими державами «может оказать решающее влияние на судьбу человечества и может стать нерушимой стеной, под защитой которой будут расти дети всего мира».

А спустя три месяца в Будапеште июньская сессия Всемирного Совета Мира смогла отметить воодушевление, с каким была встречена идея смягчения международной напряженности. «Родилась великая надежда. Каждый человек теперь видит, что согласие возможно. Можно положить конец кровопролитию. Можно покончить с холодной войной»,— говорилось в воззвании Всемирного Совета Мира.

Жизнь показала, что требование добиться смягчения напряжения в международных отношениях опирается на ясно выраженную волю сотен миллионов людей. Это требование находит все большую поддержку в самых широких кругах, его разделяют — независимо от политических убеждений, социального положения и религиозных верований — все, кому дороги интересы мира.

В решениях только что закончившейся сессии Всемирного Совета Мира люди доброй воли найдут ответ на вопросы, которые волнуют сегодня все человечество. Сессия приняла документы большого международного значения: Послание организациям и деятелям, которые желают смягчения международного напряжения, Общую резолюцию, Обращение ученых — участников сессии к ученым всего мира, а также рекомендацию «О развитии культурных связей между народами».

Сессия отметила, что как в Азии, так и в Европе обстановка в некоторых районах и некоторые конфликты представляют особую угрозу для дела мира. Всемирный Совет Мира в своей Общей резолюции напоминает, что, если необходимо, чтобы переговоры были начаты по всем отдельным проблемам, он все же всегда считал и считает, что наиболее эффективным орудием смягчения международного напряжения остается конференция пяти великих держав.

Вопрос о смягчении напряжения в международных отношениях — главный вопрос наших дней — занял большое место в решениях и выступлениях участников сессии. «Разве совещание представителей пяти держав, на которых лежит наибольшая ответственность за поддержание и укрепление мира, не представляло бы собой наилучший путь к смягчению международного напряжения? — заявил, открывая сессию, Фредерик Жолио-Кюри.— Я считаю, что одна из основных задач нашей сессии заключается в том, чтобы найти наиболее действенное средство с целью добиться того, чтобы это столь необходимое совещание состоялось».

Однако реакционные круги, не осмеливающиеся больше открыто возражать против идеи переговоров, продолжают политику обострения международных отношений. Еще в сентябре этого года Бюро Всемирного Совета Мира, собравшееся в Вене, подчеркивало в своей резолюции, что «слово «переговоры» слишком часто применяется для маскировки мероприятий, противоположных мирному разрешению международных споров». Сессия Всемирного Совета Мира вновь призвала народы к бдительности. «Ставить своего собеседника перед свершившимися фактами,— говорится в Общей резолюции,— не означает стремления к переговорам; пытаться создать условия для срыва переговоров — не означает желать их».

Слово «переговоры» уже примелькалось за последнее время в речах некоторых зарубежных государственных деятелей, им пестрят даже страницы реакционной прессы. Однако факты говорят, что враги международного сотрудничества под прикрытием дымовой завесы «миролюбивых» фраз ведут дело к тому, чтобы обречь на неудачу идею переговоров.

Известно, что правительства трех западных держав отказываются даже приступить к обсуждению вопроса о смягчении напряженности в международных отношениях. Эти державы отклоняют участие такой великой демократической страны, как Китай, в обсуждении проблем мирного урегулирования, хотя уже самый факт участия Китайской Народной Республики в переговорах послужил бы разрядке международного напряжения.

США, Англия и Франция, как известно, продолжают проводить политику ремилитаризации Западной Германии. Что общего имеет стремление поскорее вовлечь Западную Германию в агрессивный северо-атлантический блок с интересами восстановления национального единства Германии и обеспечением европейской безопасности?

Известно также, что США отказываются привлечь к участию в разрешении корейской проблемы нейтральные государства, хотя это, несомненно, содействовало бы достижению прочного мира в Корее. На Генеральной Ассамблее ООН американские дипломаты попрежнему, прибегая к проволочкам, откладывают в долгий ящик решение о запрещении водородного, атомного и всех других видов оружия массового уничтожения, а также существенном сокращении всех видов вооружения и вооруженных сил. А тем временем правящие круги США создают все новые и новые базы на чужих территориях—от Испании до Пакистана.

«Можно ли предвидеть какое-то улучшение в международных отношениях,— сказал, выступая на сессии, Пьетро Ненни,— до тех пор, пока основой деятельности Соединенных Штатов будет создание системы американских военных баз в Европе, Азии, Африке и усовершенствование механизма периферийной стратегии?» Говоря о политике Вашингтона, Ненни подчеркнул, что «это политика, которая все больше и больше подменяет идею необходимого и возможного равновесия между американскими интересами и интересами других народов, других континентов и других государств узколобой идеей американской мировой гегемонии».

С рассмотрением вопроса об уменьшении международной напряженности, подчеркивалось на сессии, связано и решение в интересах мира германской проблемы. Политика возрождения германского милитаризма, которая превращает Западную Германию в опасный очаг новой агрессии, представляет собою прямую угрозу безопасности народов Франции, Польши, Бельгии, Чехословакии, Дании, Голландии и других европейских стран. Она лишает эти народы уверенности в своем завтрашнем дне.

Сторонники мира, сказал в своей речи на сессии представитель Франции Жильбер де Шамбрэн, должны воздействовать на правительства трех западных держав, чтобы последние отказались от перевооружения Германии и включения ее в «европейское оборонительное сообщество» и в северо-атлантический блок. Выражая мнение сторонников мира Голландии, Миннерт-Кулинг заявила, что подавляющее большинство голландского народа еще не забыло оккупацию и отвергает нацистское господство. Договор о «европейском оборонительном сообществе», сказала она, означает ремилитаризацию Западной Германии и восстановление нацистского господства. Об этом же с чувством тревоги за судьбу своей маленькой страны говорил проф. Андре Боннар. Швейцарский народ начинает понимать, заявил он, что не Восток угрожает Швейцарии, а вооруженная Западная Германия.

Сессия приветствовала ноту Советского правительства правительствам США, Англии и Франции от 26 ноября 1953 года о готовности правительства СССР участвовать в совещании представителей четырех держав. Руководствуясь стремлением содействовать скорейшему урегулированию назревших международных проблем, Советское правительство поставит на этом совещании вопрос о созыве в ближайшее время, в целях уменьшения напряженности в международных отношениях, совещания министров иностранных дел Франции, Англии, США, СССР и Китайской Народной Республики.

Всемирный Совет Мира, отметив, что интересы европейской безопасности требуют быстрого разрешения германской проблемы, призвал народы Европы воспрепятствовать ратификации договоров о создании «европейской армии» и восстановлению германского милитаризма в какой бы то ни было форме.

Широкий отклик найдет обращение Всемирного Совета Мира к организациям и деятелям, которые желают смягчения международного напряжения, созвать международную встречу, чтобы свободно сопоставить различные точки зрения и рассмотреть возможные решения.

Каждый честный ученый, который считает высшим нравственным долгом служить своим научным творчеством созиданию, а не разрушению, жизни, а не смерти, с чувством одобрения воспримет обращенный к нему призыв ученых — участников сессии Всемирного Совета Мира повести энергичную борьбу за запрещение оружия массового уничтожения.

Всемирный Совет Мира принял также рекомендацию о развитии культурных связей между народами. По решению сессии в 1954 году широко будут праздноваться юбилейные даты великих представителей мировой культуры: 200-летие со дня смерти английского писателя Фильдинга, 50-летие со дня смерти А. П. Чехова, 50-летие со дня смерти чешского композитора Дворжака и 2400-летие со дня рождения Аристофана.

Закончившаяся в Вене сессия Всемирного Совета Мира явилась ярким свидетельством небывалого сплочения и роста международного движения в защиту мира. В решениях сессии все люди доброй воли будут черпать твердую уверенность в том, что народы заставят отступить силы агрессии, силы войны.

Памяти С. М. Кирова

УРЖУМ (Кировская область), 30 ноября. Трудящиеся Уржума отмечают 19-ю годовщину со дня злодейского убийства пламенного трибуна революции С. М. Кирова. На предприятиях, в колхозах и учреждениях района агитаторы проводят беседы и доклады о его жизни и деятельности.

Увеличилось число посетителей дома-музея С. М. Кирова. Здесь побывали десятки экскурсий рабочих, колхозников, учащихся из различных районов области, а также из Коми, Марийской и Удмуртской автономных республик.

БАКУ, 30 ноября. В центре Баку по улице Хагани находится дом, где с 1921 года по 1926 год жил секретарь ЦК КП(б) Азербайджана Сергей Миронович Киров. В эти дни в квартиру-музей С. М. Кирова приходит много посетителей: нефтяники, машиностроители, домашние хозяйки, учащиеся, воины Советской Армии и Флота. В квартире-музее собрано более 400 экспонатов.

В библиотеках партийных комитетов, дворцах культуры, клубах организуются выставки и фотовитрины, посвященные памяти пламенного революционера.

Вечер дружбы

МИНСК. (**Наш корр.**). Здесь состоялся литературный вечер польско-советской дружбы. С докладом «Нерушимая дружба польского и советского народов» выступил председатель правления Союза советских писателей Белоруссии П. Бровка. О культурном росте польского народа, об успехах народного хозяйства Польши за послевоенные годы рассказал глава делегации деятелей культуры и науки заместитель председателя Государственного Совета Польской Народной Республики С. Игнар.

Белорусские поэты А. Кулешов, М. Танк, П. Пестрак, М. Машара и другие прочитали свои стихи и стихи польских поэтов, переведенные на белорусский язык.

В заключение состоялся большой концерт.

В писательских организациях

УКРАИНА

28 ноября VIII пленум ССП Украины обсуждал доклад **М. Бажана** о подготовке к всенародному празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией.

— Переяславская рада, утвердившая 300 лет назад вечный союз двух братских народов,— сказал М. Бажан,— была славным завершением многовековой борьбы украинского народа против иноземных завоевателей, за воссоединение в едином русском государстве.

М. Бажан рассказал об отражении великой темы дружбы украинского и русского народов в классической и современной художественной литературе. Подготовка к знаменательному празднику 300-летия воссоединения Украины с Россией еще более творчески активизировала украинских писателей.

В ближайшее время выйдут в свет находящиеся в печати в издательстве ССП Украины «Радяньский письменник» новые произведения, посвященные великой теме воссоединения: второй том романа Н. Рыбака «Переяславская рада», роман П. Панча «Бурлила Украина», повесть молодого писателя Ю. Мушкетика «Семен Палий», поэмы П. Воронько, Л. Первомайского, Л. Забашты, Н. Руденко и другие. Ряд произведений украинских писателей выйдет в переводе на русский язык в издательстве ССП СССР «Советский писатель».

Далее М. Бажан подробно остановился на важнейших задачах, стоящих перед украинскими литераторами, издательствами, журналами и украинской «Літературной газетой», а также всеми организациями ССП Украины в связи с подготовкой к всенародному празднованию.

По докладу М. Бажана развернулись оживленные прения.

Писатель **В. Беляев** (Львов) выдвинул в своем выступлении предложение об издании сборника лучших произведений западноукраинских советских писателей — А. Гаврилюка, С. Тудора, Я. Галана, П. Козланюка и К. Пелехатого, а также сборника революционно-публицистических произведений писателей, живших и работавших в Закарпатье.

Писательница **Н. Забила** (Киев) обратила внимание пленума на то, что в планах подготовки к празднованию не предусмотрено издание литературы для детей.

В прениях выступили также **Б. Рюриков** (Москва), **Ю. Гойда** (Ужгород), **Б. Палийчук, И. Ле** (Киев), **М. Рудницкий** (Львов), **Н. Рыбак** (Киев), **В. Вольный** (Донбасс), **П. Панч** (Киев).

Принятая по докладу М. Бажана резолюция предусматривает проведение писательской организацией Украины ряда мероприятий в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией.

Далее пленум заслушал доклад **Л. Дмитерко** о подготовке к III съезду советских писателей Украины.

Пленум решил созвать в августе 1954 года очередной, третий съезд советских писателей Украины со следующей повесткой дня:

1. Отчет президиума Союза советских писателей Украины о работе за период между вторым и третьим съездами и содоклад ревизионной комиссии.
2. Выборы руководящих органов Союза.
3. Выборы делегатов на II Всесоюзный съезд Союза советских писателей СССР.

VIII пленум избрал председателем президиума ССП Украины М. Бажана, ответственным секретарем президиума — С. Скляренко, а также доизбрал заместителем председателя президиума Н. Рыбака.

КИЕВ. (**Наш корр.**).

ГРУЗИЯ

На днях в Тбилиси закончился пленум правления Союза советских писателей Грузии.

Были заслушаны доклады **М. Мревлишвили** о развитии советской грузинской драматургии и **С. Чилая** о подготовке к предстоящему съезду советских писателей.

На пленуме отмечались достижения отдельных грузинских драматургов в создании произведений, отображающих сегодняшний день нашей Родины, самоотверженный труд советских людей. Однако, как указывалось в выступлениях, созданию пьес на темы современности еще не уделяется должного внимания. Слаба творческая связь драматургов с театрами республики.

В обсуждении докладов приняли участие писатели **Ш. Дадиани, И. Мосашвили, В. Катаев, А. Белиашвили**, народная артистка СССР **В. Анджапаридзе**, министр культуры Грузинской ССР **А. Гуния** и другие.

На пленуме выступил с речью секретарь ЦК КП Грузии **В. Чхиквадзе.**

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ШЕМЫШЕЙКУ!

Это было год назад. Нас, молодых специалистов, окончивших Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, посылали в МТС. Об условиях работы мы имели тогда довольно смутное представление, и нам было все равно, ехать ли в Брянскую, Калужскую или Владимирскую области. Мы понимали, что нам еще многому надо учиться и настоящими специалистами мы станем, когда поработаем несколько лет в деревне. Поэтому многие отказывались от аспирантуры, предпочитая практику научной работе, которая при желании от нас не уйдет.

Мне предстояло работать в Пензенской области. Перед отъездом я зашел в союзное министерство. Впечатление от разговора осталось неважное: область не из передовых, природные условия хорошие, но урожаи невысокие. Не советуем ехать в Шемышейку, в Голицыно...

В Пензенском областном управлении сельского хозяйства мне предложили место главного инженера Чиндясской МТС Шемышейского района. В Шемышейку! Верно говорят: чего боишься, то и случается. Отказываться было неудобно, тем более, что в управление как раз в тот день приехал директор из Чиндясс.

Разговорились с директором мы уже по дороге в Шемышейку. Он мне тогда очень понравился, и первое впечатление о нем сохранилось до сих пор. Я часто обращаюсь к нему за советами, и Сергей Петрович Постнов помогает мне найти правильное решение сложных вопросов. Это очень важно, когда в лице своего руководителя ты видишь не только администратора, но и учителя, помогающего быстрее освоиться с работой, войти в новый коллектив.

Первое время я работал плохо: один за всех. Это, конечно, от неумения руководить. Мне все хотелось сделать точно так, как об этом написано в учебниках. А это, понятно, не всегда удавалось.

Но мог ли я спокойно смотреть на такую картину: в маленьком сарае установлены двигатель, снятый с комбайна, и маломощный генератор. Проводка была сделана без малейшего намека на противопожарную технику безопасности.

Вскоре мы начали строить помещение для образцовой, по моим понятиям, электростанции. И тут я почувствовал, что не имею достаточных знаний в строительном деле. Выручала специальная литература, которую привез с собой. Но поволноваться пришлось порядочно.

Каждую следующую стройку мы называли «образцовой» и старались создать наши ремонтные мастерские, нефтебазу, общежитие по всем правилам строительного искусства. Общежитие для механизаторов — предмет нашей гордости. Типовой проект нас не устраивал, здание нужно было увеличить, и мне поручили разработать новый проект. Сейчас общежитие уже выстроено, и каждый раз, проходя мимо него, я думаю о том, что механизаторы избавятся от бытовых неудобств, которые они терпели, снимая углы или шагая на работу за несколько километров.

Многое, что теперь кажется легким и понятным, на первых порах ставило меня втупик. Особенно мучила так называемая «боязнь машин». Это происходило потому, что в институте плохо поставлены лабораторные занятия по описательному курсу тракторов и сельскохозяйственных машин. Во многих лабораториях нет новейшего оборудования, часто мы изучали машины, которые в МТС уже вышли из употребления. Студент не получает в институте достаточных практических навыков работы на агрегатах, не изучает их «капризы», а иногда плохо знает устройство машин. И вот начинает вчерашний студент самостоятельную работу. Подходит к нему тракторист и спрашивает, как отремонтировать деталь, а он долго не может понять, откуда она, с какого трактора...

Каждый рабочий знает, что некоторые детали подходят к разным тракторам, а разница в их нумерации не имеет значения. А молодой инженер об этом иногда понятия не имеет и может не взять с базы, скажем, детали номер 503, потому что ему нужен номер 4010. Над ним смеются — это, оказывается, одна и та же деталь под разными номерами.

Мне кажется, в этом виноват институт, к которому у меня много претензий. Что нам дает производственная практика? Работают студенты на агрегатах во время производственной практики всего месяц. В этом отношении студенты Тимирязевской академии счастливее студентов нашего института: они проходят практику в колхозах в течение всего сельскохозяйственного года, начиная от посевной и кончая уборочной. А наши товарищи после третьего курса 40 дней проводят в МТС, часто без руководителя и без помощи дирекции пытаются вникнуть в суть производства и, наконец, на пятом курсе проходят ремонтную практику на подмосковных заводах. Этого совсем недостаточно. Надо, чтобы студент-старшекурсник выезжал на практику к началу весенних полевых работ и находился в МТС до завершения сельскохозяйственного цикла.

Я обращался в деканат института с просьбой прислать практикантов в нашу МТС. Об этом писали в институт и мои товарищи, работающие в других машинно-тракторных станциях. Мы хотим, передавая студентам опыт своей работы, помочь институту выпустить хороших специалистов, которые в самостоятельной деятельности пользовались бы проверенными и закрепленными на практике знаниями и не повторяли бы наших ошибок.

Меня, например, исполнение обязанностей заместителя директора МТС застало врасплох. В институте, по правде говоря, совсем не готовят руководителей производства. Из института выходят молодые специалисты, плохо ориентированные в таких вопросах, как взаимоотношения МТС с колхозами, в вопросах финансирования, организации колхозного производства.

Заканчивая письмо, я хочу сказать, что год работы в глубинной МТС, несмотря на трудности, дал мне многое. За мелочами будничной работы не всегда видно ее значение. Но когда удается отвлечься от ежедневных дел и посмотреть на все со стороны, видишь, что сделано не так уж мало. Но надо сделать гораздо больше.

Возвращаешься иногда поздно вечером из районного центра и видишь с пригорка залитый ярким электрическим светом маленький поселок МТС, который выстроен и освещен с моей помощью, размечтаешься о том, что увидишь здесь года через три.

Я должен сказать, что не могу без смеха вспомнить предостережения работников министерства. Свою Шемышейку я теперь ни на что бы не променял, хотя родился и вырос в одном из промышленных городов Урала. Теперь я узнал и полюбил деревню. Устроился я здесь прочно, привез маму. Дали нам хорошую квартиру, в которой мы живем совсем по-городскому: радио, электрический свет, печь-голландка. Нередко бываю и в Пензе.

Скоро новый выпуск студентов Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства поедет на работу в деревню. Мы ждем вас к себе в МТС, приезжайте в Шемышейку! Будем работать вместе!

Е. ВАНИН,
главный инженер Чиндясской МТС

ШЕМЫШЕЙКА, Пензенской области

В Ново-Ярычевской МТС, Львовской области, выплата трактористам заработной платы начиная с октября производится по новым ставкам. Трактористу Алексею Дзивинскому выдано 1574 рубля деньгами. Весь его заработок, включая натуральную оплату зерном по гарантийному минимуму, в переводе на деньги в октябре превысил 3000 рублей. Такие же суммы начислены трактористам Казимиру Мейте, Ярославу Юськевичу и многим другим.

На снимке: **выплата заработной платы в Ново-Ярычевской МТС.** Справа налево — **трактористы А. Дзивинский, Я. Юськевич и К. Мейта, главный бухгалтер МТС Ф. Дунчиц и кассир Г. Ткач.**

Фото Д. Мулярчука

СТЕКЛЯННОЕ ВОЛОКНО

Стекловолокно... Из него не сошьешь рубашку или пижаму, его не используешь для производства чулок. Зато пряжа, ткань, войлок из стекла могут быть с успехом применены во многих отраслях нашей промышленности — электротехнической, химической, металлургической — и заменить столь нужные стране хлопчатобумажные материалы, шерсть, шелк. Ведь сотни тысяч метров высококачественных шерстяных и шелковых тканей идут на промышленные нужды. Одна только электротехническая промышленность потребляет тысячи тонн хлопчатобумажной пряжи, десятки миллионов метров ленты и тканей для электроизоляции.

Волокно из стекла — одно из замечательных достижений науки и техники. Стеклянная ткань и пряжа обладают множеством прекрасных технических свойств: химической устойчивостью, огне-и влагостойкостью. Механическая прочность стекловолокна такая же, как лучших сортов натурального шелка. Поскольку стекло является прекрасным диэлектриком, изделия из стекловолокна обладают лучшими электроизоляционными свойствами, чем материалы органического происхождения.

Кажется, все ясно? Нет, далеко не все! Не ясно, например, почему ряд министерств на словах соглашается с прекрасными свойствами стеклянного волокна, а на деле не внедряет его в производство. Крупное достижение науки встречает на своем пути рогатки равнодушия и косности.

Вот несколько примеров.

На цинковых заводах воздух выносит из ватер-жакетных печей большое количество цинковой пыли. Для улавливания ее применяются фильтры из шерстяной ткани. Но выходящий газ имеет такую высокую температуру, что шерстяные фильтры быстро прогорают. Один из заводов решился поставить фильтры из стеклоткани. Испытания показали их отличное качество, их преимущество перед шерстяными. Но этот завод так и остался единственным. Никто не последовал его примеру.

На одном из предприятий Министерства нефтяной промышленности СССР попробовали использовать стекловолокно для фильтрации масел. Стеклофильтры показали себя с самой выгодной стороны. Тем не менее Министерство нефтяной промышленности СССР не сочло нужным внедрить новые фильтры на всех своих заводах.

Всесоюзный научно-исследовательский институт стекловолокна провел интересную экспериментальную работу по выработке стекловолокна для теплоизоляции жилых домов. Новый способ оказался во много раз производительнее и, следовательно, выгоднее ранее существовавшего. Новые установки дают возможность поднять выработку с 200 килограммов до 10 тонн в сутки, резко снизить себестоимость стекловолокна, намного улучшить его тепло- и звукоизоляционные свойства. В 1952 году институт передал Министерству промышленности строительных материалов СССР всю документацию. Казалось бы, что это министерство, кровно заинтересованное в хорошем и дешевом стекловолокне, должно было быстро наладить его производство по новому способу. Однако дело движется очень медленно.

За последние три года стоимость стекловолокна снизилась в несколько раз. Научные сотрудники института работают над улучшением технологии и уверены, что добьются нового снижения себестоимости стекловолокна.

Нет никакого сомнения, что стеклянное волокно завоюет достойное место в промышленности. Однако обязательно ли, чтобы в нашей стране новое и полезное дело столь долго пробивало себе дорогу?!

Л. ЕЛИСЕЕВ.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«КАСИМОВСКИЕ КИНОБУДНИ»

Статья под этим заголовком, напечатанная в «Литературной газете» 8 октября 1953 года, обсуждалась на заседании Касимовского горисполкома, а также на собрании коллектива работников кинотеатра «Марс».

Как сообщил в редакцию заместитель начальника Рязанского областного управления культуры Н. Ветринцев, факты, изложенные в статье, признаны правильными. Приняты меры к улучшению работы кинотеатра: будет полностью отремонтировано и оборудовано его помещение, наведен порядок в составлении репертуара, предполагается проведение коллективных просмотров и конференций зрителей.

Вопрос о кинообслуживании сельского населения обсуждался на заседании райисполкома.

Председателям сельсоветов и колхозов предложено предоставлять транспорт для перевозки кинопередвижек, оказывать помощь киномеханикам в подготовке и проведении киносеансов.

ЧТО МЕШАЕТ УЧИТЬСЯ ДЕТЯМ КОЛХОЗНИКА МАРГИЕВА

Письмо из Южной Осетии

За селением Ванели мы перешли вброд буйную горную реку Большая Лиахва и вошли в густую рощу из чинар и сосен. Это — ущелье Тлигом, ведущее к подножью высокой горы, похожей на голову Черномора. По бесконечным извилинам горной тропы мы поднялись на одну из полян, расположенных на склонах горы Джермук. Здесь, над густыми массивами лесов, окруженные изумительной красоты природой, живут животноводы Южной Осетии.

Народ здесь гостеприимен, и вот мы в одном из домов — у колхозника Биаса Николаевича Маргиева. Чистые, уютные комнаты обставлены скромной мебелью. Шкафы с книгами говорят о том, что в этом доме живут любознательные, пытливые люди. За столом два мальчика учат уроки. Знакомимся с ними. Ване — девять лет, Валерику — десять. Оба — ученики третьего класса.

— Почему же в одном классе? — Мальчики переглянулись, и Валерик, смущаясь, проговорил:

— В этом году у нас четвертого класса нет.

Оказалось, что мальчик еще в прошлом году успешно окончил третий класс и мог бы учиться в четвертом. Но где-то в отделе народного образования сочли, видимо, «нерентабельным» существование четвертого класса, и вот Валерик, чтобы не забыть пройденное, вынужден до лучших времен остаться «второгодником»!..

К сожалению, подобные факты можно встретить не только в Тлигоме, но и в Ермане, и в Згубире, и в других селениях.

Пока мы разговаривали с Ваней и Валериком, вернулись из школы старшие школьники — Зоя, Салимат, Чермен и Соня. Вид у них усталый — ребята учатся в Ванельской средней школе, что в 12 километрах от их дома. Каждый день осенью, зимой и весной, в любую погоду пробираются они той самой тропинкой, по которой мы поднимались сюда. В день — два раза: туда и обратно — итого 24 километра! Каждый день — 24 километра по трудным горным тропам...

В семье Маргиева — семеро учатся, а старшая дочь — педагог Ванельской школы. В дореволюционное время во всем ущелье Тлигом не было столько учащихся, сколько сейчас в этой одной семье рядового горца.

— Большое счастье, что каждый горец может дать своему ребенку образование, — говорит отец. — Но вот что плохо, то плохо: почему это дети должны полдня тратить не на ученье, а на ходьбу? Конечно, в каждом маленьком горском селении нельзя создать среднюю школу. Но почему не открыть при существующих школах интернаты, чтобы ребята из отдаленных сел зимой могли там жить?

С этим вопросом мы обратились в Юго-Осетинский областной отдел народного образования:

— Вопрос жгучий, — соглашается заведующая облоно Н. Медоева. — Быстрее надо решить его и облегчить детям возможность хорошо учиться.

За чем же дело стало?..

Мы развернули карту области. Школы на ней обозначены красными звездочками. Их — триста шестьдесят одна. Для такой сравнительно небольшой области, как Южная Осетия, это — немало, и закон о всеобщем обязательном обучении здесь вполне может быть осуществлен. Но не все в школах Юго-Осетии благополучно, и из-за этого неблагополучия за один прошлый учебный год отсеялось свыше 1.400 учащихся. Главная причина — отсутствие интернатов, которые давно уже надо было построить в двадцати четырех селах, где есть средние школы и куда приходят учиться дети из многих отдаленных мест. И этой зимой может произойти то же самое — условия ничуть не изменились. Тем не менее Министерство просвещения Грузинской ССР, которому подчинены школы Юго-Осетинской автономной области, чрезвычайно мало этим озабочено.

В прошлом учебном году пятьдесят ребят селения Цон, Джавского района, остались вне стен школы. Чтобы не допустить этого в нынешнем году, колхозники собственными руками, на свои средства, соорудили замечательное школьное здание. Требовались какие-то пустяшные детали, какие-то незначительные формальности, чтобы открыть в этом большом населенном пункте среднюю школу. Обратились за помощью в республиканское Министерство просвещения. В село приехала заместитель министра М. Бурчуладзе. Пообещала: «Все будет сделано, начинайте занятия». Местные учителя охотно принялись обучать детей. Прозанимались месяц, два. Никто не оплачивает их труд, из министерства — никаких слухов. Цонская средняя школа и до сих пор не узаконена в своих правах — у нее нет ни средств, ни штатов.

Равнодушие республиканского Министерства просвещения к школам Юго-Осетии очень плохо отражается на всей их жизни и работе. Трудно сказать, почему, например, за первые два месяца нынешнего учебного года четыре раза менялись учебные планы. До сих пор школы не имеют полноценных, основательно продуманных программ. Нет хороших учебников.

Сильно хромает изучение таких предметов, как математика, физика, химия, русский язык. Отсутствуют наглядные пособия, в очень немногих школах есть химические и физические кабинеты. Даже партами и другим самым необходимым инвентарем обеспечены далеко не все школы.

А как страдают школьники от отсутствия нужных им книг! Почти ни в одной школе области нет мало-мальски сносной библиотеки. Библиотечка Ванельской средней школы, например, состоит всего из двух-трех десятков книг. В Рокской школе вся библиотека уместилась в одном маленьком шкафчике, а в Ерманской — в одном ящике директорского стола! Дети лишены возможности читать произведения, с которыми они должны знакомиться по программе. Нет произведений русских классиков, нет даже сочинений классика осетинской литературы Коста Хетагурова!

Трудно себе представить в наше время учителя, директора или завуча школы, не читающего методической литературы, журналов, газет. С чем же мы столкнулись в Юго-Осетии? Школы, учителя, педагогические кабинеты и работники отделов народного образования (районных и областного) лишены возможности выписывать «Учительскую газету», методические и литературно-художественные журналы. На всю область по лимиту «Союзпечати» выделен... 1 экземпляр журнала «Начальная школа».

Не следует ли серьезно подумать над всем этим руководству Министерства просвещения Грузинской ССР?

Т. ДЖАТИЕВ, ГАФЕЗ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Резервы одного города

И. БЕЛОВ

В Воронеж привело меня письмо, полученное редакцией от двух доцентов местного инженерно-строительного института. Коренные воронежцы, они с гордостью писали о возрождении родного города. На их глазах он поднялся из руин. Анализируя ход восстановительных работ, доценты А. Медведев и Г. Гревцов пришли, однако, к выводу, что средства, затрачиваемые на строительство, можно использовать лучше, если бы десятки созданных в Воронеже строительных организаций, освободились от узковедомственной ограниченности.

Вывод этот подтверждался конкретными примерами, в частности, одним, весьма выразительным. «В Воронеже, — сообщали авторы письма, — строительные и другие хозяйственные организации установили свыше 90 пилорам, тогда как можно свободно обойтись максимум 10 пилорамами».

Что такое пилорама? Это стан для распиловки круглого леса на доски и брусья. Не слишком ли узок и специфичен вопрос, поднятый авторами письма? Может быть, он интересен только для специалистов? Нет, за взволнованными строками письма доцентов чувствовалась большая тема.

На ярком фоне творчества, созидания, когда за несколько лет почти полностью восстановлен старинный, с трехсотлетней историей город, особенно уродливо выглядят факты расточительства, равнодушия, лености мысли, ведомственной заскорузлости. Как же не задуматься над этим?

Свежий номер местной воронежской газеты «Коммуна», вывешенный на щите, как бы подкреплял доводы доцентов. Судоремонтные мастерские объявляли, что принимают круглый лес на распиловку на самых льготных условиях. Итак, одна скучающая по работе пилорама есть. Поищем другие.

Нелегко, однако, оказалось узнать, какое количество пилорам установлено в Воронеже. Такими сведениями здесь никто не располагает.

Пришлось обратиться к самим строителям, хотя в списках абонентов Воронежской телефонной станции числится около трех десятков строительных организаций.

— Правда ли, что в Воронеже свыше 90 пилорам?

Собеседники чаще всего задумывались и, почему-то улыбаясь, отвечали:

— Наверное, наберется.

Но улыбка сразу же исчезала при вопросе: — Как используете ваши пилорамы? В Горжилкоммунстрое заявили, например, что «собственные» пилорамы могут распилить 20 тысяч кубометров леса в год. А сколько пилят? Тысяч пять. Главный инженер строительно-монтажного управления тов. Пигарев сказал: «Если наши пилорамы загружены процентов на 20, это очень хорошо».

По мере того, как круг собеседников расширялся, интерес к пилорамам отходил на второй план. Обстановка, в которой порождаются хозяйственные нелепицы, еще более выразительно и ярко открывалась на других фактах воронежского строительного быта. Некоторые строители, например, когда речь заходила о пилорамах, удивленно пожимали плечами — стоит ли по таким пустякам волноваться? — и советовали: вы бы лучше занялись «каменной» проблемой:

— На камне сидим, а камень за сотни километров тащим!

***

Воронежская область богата залежами строительного камня и могла бы полностью снабдить им все свои стройки. Но камня нет. Не хватает для самых неотложных нужд. Небольшие карьеры местной промышленности с крайне убогой технической базой — вот и все, чем располагают город и область.

Понимают ли строители несуразность такого положения? Отлично понимают. Управляющий самым большим в Воронеже строительным трестом тов. Севастьянов давно пришел к мысли, что следовало бы близ города создать мощные механизированные карьеры. Почему же не делают этого? Может быть, средств нет? Есть! Строительные организации получают большие суммы на подсобные предприятия. Но каждое ведомство с азартом обзаводится на эти деньги «персональными» пилорамами, заводиками шлакоблоков и т. п. Обзавелись бы и «персональными» механизированными карьерами, да для этого, однако, средств не хватает.

Областные организации неоднократно советовали и даже обязывали строителей объединиться для решения «каменной» проблемы. Ничего не получается. Трудно преодолеть ведомственные барьеры.

Начальник Вузстроя тов. Портнов решил для себя проблему: он арендует карьер в Ростовской области и возит камень в Воронеж железнодорожными вагонами. Камень стоит 20 рублей кубометр, а перевозка... 80 рублей кубометр. Всего сто рублей. Впрочем, некоторые строители обогнали тов. Портнова — им кубометр камня обходится в 150 рублей.

А недалеко от Воронежа, в Липецке, Министерство металлургической промышленности СССР имеет свой карьер известкового камня, перерабатывает его во флюсы. Но этот же камень издавна шел и для строительства. Нашлись в Липецке инициативные люди. Они написали в Облплан, доказали, что карьер без дополнительных затрат, только за счет использования незагруженных механизмов, может, обеспечивая нужды черной металлургии, в то же время дать много камня для воронежских строек.

Работник Облплана выехал на место. Все подтвердилось. Но неоднократные ходатайства воронежских организаций перед министерством успехом пока не увенчались. Почему же? Ведь это же будет выгодно для карьера, а главное — сэкономит государству миллионы рублей!

***

Начальник строительного управления Мясохладпромстроя тов. Горбачев чем-то озабочен. Рассказывая о планах строительства, он часто отрывался, чтобы позвонить по телефону, и настойчиво допытывался: «Ну, как?.. Достали?»

Вот что выяснилось в разговоре. Строительному управлению ко второму кварталу будущего года нужно построить и сдать несколько торговых баз. Чтобы выполнить это задание, необходимо немедленно, до наступления морозов, выйти, как говорят строители, из земли, то есть заложить фундамент. Но вот беда, нет экскаватора, чтобы вырыть котлован. Обратились к руководству 25-го треста: «Помогите, важное задание». Отказ. Обратились непосредственно в машинопрокатную станцию того же треста. Экскаватор пообещали дать, но тут же и определилась «цена» помощи. У тов. Горбачева запросили полтонны дизельного масла и двести метров троса. Масло достали, а троса нужного сечения не оказалось.

Сам по себе факт такого вымогательства масла и троса у попавшего в беду соседа выглядит очень неприглядно, но дело ведь не только в этом. Разве не толкает это уже и самого «соседа» на порочный стиль работы, чуждый нашему социалистическому хозяйствованию?

Вот, например, тот же Горбачев, в недавнем прошлом директор школы ФЗО строителей, придя на стройку, сразу же заметил нелепицы строительного быта. И не захотел мириться с ними. Я видел у него список инвентарного оборудования; против многих граф поставлен красным карандашом значок «о». Что это значит? Тов. Горбачев объясняет: это оборудование, которое не используется у него на строительстве. Буква «о» — отдать тем, кто в этом оборудовании нуждается.

Но вот первый ведомственный барьер: если нужно разыскивать трос, дизельное масло, чтобы получить экскаватор для выполнения важного задания, то не возникал ли соблазн перечеркнуть эти буквы «о» и приберечь ненужный инвентарь для обмена?

Некоторые работники теряют ощущение элементарных этических норм. Недалеко от Воронежа построили лесную школу для слабых здоровьем детей. Не без труда удалось уговорить одну из строительных организаций пробурить колодец. И вот руководители строительной организации, пробурив колодец, сразу позвонили в Облплан:

— Мы вам помогли (кому это вам?) — помогите нам. Подкиньте пару десятков кубометров леса...

«Вы нам — мы вам», — каким архаизмом веет от этих торгашеских слов! А они вошли в привычку, в обиход, изо дня в день наносят ущерб деловым отношениям ведомств и предприятий, затрудняют развитие нашей экономики. И особенно нетерпимы они сейчас, когда мы с таким тщанием, с такой настойчивостью мобилизуем все наши возможности для улучшения быта советских людей.

***

Межведомственная взаимопомощь, всемерное развитие кооперирования для крутого подъема производства товаров народного потребления настоятельно диктуются самой жизнью.

Местная промышленность и промкооперация верстают в эти дни новые, резко повышенные планы на 1954 год. Ни для кого не секрет, что культурно-технический уровень предприятий местной промышленности и промкооперации зачастую много ниже, чем уровень таких же заводов союзной промышленности. И представляется сейчас очень важным организовать систематическую помощь предприятий высокой технической культуры заводам местной промышленности и промкооперации.

В Воронеже, например, промкооперация должна освоить и выпустить в будущем году 150 тысяч репродукторов. Задание серьезное, особенно, если учесть повышенное требование к качеству продукции. Артели установили контакт с местными заводами союзного подчинения. И те помогают разработать образец репродуктора, оказывают помощь лабораторными исследованиями.

Но помощь эта носит пока эпизодический характер. Много больше примеров узковедомственного отношения к нуждам местной промышленности и промкооперации.

Местная промышленность организовала в Бутурлиновке производство охры. Спрос на нее огромный, а годовая программа за 9 месяцев выполнена всего на 30 процентов. Почему? Дедовская организация производства, ручной труд. Но вот бутурлиновцам удается разведать, что на соседнем Журавском заводе химической промышленности, производящем ту же охру, давно лежат без дела два газогенераторных двигателя. Один такой двигатель решил бы проблему механизации производства охры у бутурлиновцев. Они выяснили у директора Журавского завода, что двигатель ему не нужен, и возбудили ходатайство о продаже им неиспользованного оборудования. Бумажка где-то застряла. Двигатели лежат без дела, а охры не хватает.

Советское машиностроение из года в год увеличивает выпуск оборудования. Принятые за последнее время Советом Министров СССР и ЦК КПСС постановления предусматривают значительное расширение технической базы производства товаров народного потребления. Но, помимо этого, надо мобилизовать огромные резервы оборудования, которые не используются промышленностью, для того чтобы уже сегодня полнее удовлетворять потребности советских людей.

***

Председатель Облплана тов. Зимин вызвал к себе одного из сотрудников.

— Я вчера был на сессии горсовета, — сказал он ему, — встретился там с директорами заводов. У них есть значительные резервы оборудования. Напишите письмо с просьбой подробно сообщить нам об этих резервах.

— Ничего не выйдет, — последовал безнадежный ответ, — они не обязаны перед нами отчитываться и обычно не отвечают на такие вопросы.

— А вы напишите повежливее, — настаивал председатель Облплана. — Не найдут ли они возможным уведомить нас, какое оборудование им не нужно.

Думается, что при настойчивом обращении областных организаций ответ на такой вопрос получить можно. Но будут ли правильно показаны резервы? Облплану далеко не всегда удается установить место нахождения неиспользуемых ресурсов, поступивших в город по ведомственным каналам, и мобилизовать их на осуществление единого государственного плана. Ведь каждый владелец пилорамы, установленной в Воронеже, искренне считает, что она ему нужна даже в тех случаях, когда используется всего на 5—10 процентов, и не заботится о том, как загрузить ее на полную мощность.

Тов. Зимин сетует на то, что организующая роль Облплана в выявлении и использовании внутриобластных резервов крайне ограничена. Не всегда удается получить для исследования даже материалы, имеющиеся в областном статистическом управлении.

И все же, как ни многочисленны и ни разительны факты ведомственной узости, изучая их, неизменно испытываешь ощущение, что движение жизни — против этой узости, что есть верные пути для ее преодоления. Пришло время решительно преодолеть ведомственные барьеры и в строительстве и в промышленности. Над этим задумываются уже многие хозяйственники. Одни вспоминают, что когда-то Облплан имел больше прав в мобилизации местных ресурсов. Другие считают, что дело отнюдь не в каких-то особенных правах: была бы возможность местными силами квалифицированно и серьезно исследовать резервы промышленности, а мобилизовать их можно при помощи центральных органов. Третьи считают, что Госплан СССР должен уделять больше внимания внутриобластному планированию. Высказывается мысль, что следовало бы Госплану направлять в область комплексные бригады с участием ученых, инженеров, экономистов. Они бы совместно с местными организациями изучили резервы ведомств и разработали комплексный план их использования.

Найти наиболее правильный путь к решению этой задачи может Госплан СССР. А как много это дало бы для дальнейшего подъема экономической жизни каждого города, каждой области!

ВОРОНЕЖ

ЗАМЕТКИ О ТЕОРИИ СОВЕТСКОЙ ДРАМЫ

М. АУЭЗОВ

Нет, пожалуй, жанра более требовательного в отношении формы, чем драматургия. Прежде всего раз и навсегда определены размеры пьесы в пределах 70—80 печатных страниц. А строгость размера требует и строгости формы. Известно, что в пьесе непременно должны присутствовать основные ее компоненты — экспозиция, завязка, единое или сквозное действие, кульминация, развязка и т. п. Однако, при всей строгости законов построения драматических произведений, формы художественного воплощения идеи отличаются огромным разнообразием индивидуального стиля, авторской манеры изложения.

Нет нужды доказывать, насколько важно глубоко разрабатывать теорию советской драмы. Между тем наша литературоведческая мысль обходит или игнорирует законы архитектоники драмы, особенности формы, отличающие драму от поэзии и прозы.

Возьмите программы 1953 года по истории русской литературы для 9—10-х классов и новейший учебник «Русская советская литература» для 10-го класса. Когда речь идет о поэте, скажем о Пушкине, Некрасове, Маяковском, Твардовском, исследуется не только идейное содержание творчества, но и форма, специфика поэтики. Примерно так же обстоит дело и с анализом прозы. А вот если в тех же программах рассмотреть сказанное о классической русской драматургии, то легко убедиться, что никакого анализа специфических особенностей драматургического мастерства великих русских писателей здесь нет.

Не лучше обстоит дело и с анализом советских пьес в учебнике для 10-го класса средней школы. Разбор «Русских людей» К. Симонова, «Фронта» А. Корнейчука, «Нашествия» Л. Леонова отличается предельной упрощенностью и однообразием. Мы узнаем, что «Симонов показал патриотизм рядовых советских бойцов, Корнейчук — их руководителей, Леонов же поставил себе задачу показать силу патриотического чувства, помогающего человеку преодолеть в себе все мелкое, себялюбивое, ничтожное, отъединяющее его от других людей», что «герои пьесы Симонова — рядовые русские люди», а в пьесе А. Корнейчука «дан пример изображения отрицательного героя в литературе». Но каковы художественные особенности этих пьес, с помощью каких выразительных средств воплотили драматурги свои идейные замыслы, чем отличаются друг от друга эти интереснейшие и значительные произведения современной драматургии, — не говорится ни слова.

Наши писатели и критики глубоко не занимаются вопросами мастерства драматургии, и в этом смысле не являются счастливым исключением даже обстоятельные работы В. Ермилова, М. Храпченко о гоголевских традициях. Не затрагивали вопросы специфики драмы, ее теории и авторы, выступившие за последнее время на страницах литературных журналов и в «Литературной газете».

Читая иные литературно-критические статьи, с огорчением замечаешь в них многократные повторения известных и чересчур общих положений. Критики обычно дают однообразный анализ драматических произведений, нивелирующий различия стиля, формы, языка. Даже определение понятия конфликта — проблемы самой животрепещущей и острой для драматургии — формулируется очень общо, суммарно и туманно. Нам говорят, например, что «проблема конфликта — это прежде всего проблема создания типических характеров...», еще добавляют, что «произведение без ясно очерченных характеров... будет бесконфликтным, бездейственным» (статья Н. Абалкина «В поисках конфликта», «Новый мир», № 5, 1953 г.). Все это верно, но за такими определениями исчезают специфика драматической формы, особенность и своеобразие драматического конфликта. Проблему конфликта не следует комментировать расплывчато, одинаково трактуя ее во всех жанрах литературы. Напротив, в драматургии вопрос о конфликте, безусловно, является одним из решающих элементов ее жанрового признака. Это основной вопрос теории драмы, основной компонент этого вида литературного творчества.

Реалистическая пьеса строится на заостренных и действенных контрастах воли, чувств, замыслов, деяний, устремлений людей.

Превосходный пример остроконфликтной драмы — «Разлом» Б. Лавренева. Сколько столкновений в этой пьесе: конфликт Годуна и Штубе — людей разных классов, различных политических убеждений; взаимоотношения Берсенева с представителями его круга и с революционными матросами; семейные столкновения; личная драма Татьяны и т. д. Но все эти конфликты связаны в один узел, подчинены главной теме — борьбе за победу революции. Так из множества контрастов, из сложных драматических противоречий вырастает конфликт драмы, точно отвечающий социально-историческим условиям времени, выражающий дух революционной эпохи. Эти контрасты, столкновения и рождают, развивают конфликт, составляющий стержень драмы, ее суть.

Конфликт в драматическом произведении нельзя рассматривать как явление обособленное, не связанное с другими компонентами пьесы. Конфликт зарождается еще в экспозиции характеров, его развитием обусловлена и расстановка сил и движение образов. Если мы обратимся к нашей советской классике, то увидим, что в такой, например, пьесе, как «Любовь Яровая», социально-исторический конфликт, отражающий борьбу рабочего класса за установление советской власти, определяет все компоненты драмы. Этот конфликт, двигая развитие пьесы, обусловливает собою всю ее архитектонику, со сложным, разветвленным сюжетом, с обилием действующих лиц, которые участвуют в великом историческом столкновении, хотя и не связаны прямо с основной интригой произведения—столкновением между Любовью Яровой и поручиком Яровым.

Только укоренившимся у нас обыкновением рассматривать конфликт драмы изолированно от других ее компонентов можно объяснить узкое, обедняющее конфликт «Любови Яровой» толкование, которое дается в анализе «Любови Яровой» в учебнике по русской советской литературе. Здесь главным конфликтом пьесы объявляется столкновение героини с мужем.

Говоря о конфликте пьесы, нельзя отрывать его от других элементов драматического произведения. К сожалению, в большинстве критических статей конфликт берется в его «чистом», так сказать, «дистиллированном» виде, вырывается из живой художественной ткани пьесы.

Известно, что драма в ее полнокровном, многостороннем художественном качестве не сводится к одному только конфликту между персонажами. И только серьезно изучая все особенности архитектоники драмы, можно по-настоящему глубоко разобраться в своеобразии и новаторстве нашей советской драматургии.

Чтобы разработать теорию советской драмы, необходимо глубоко осмыслить новаторские начинания основоположника пролетарской литературы А. М. Горького в его бессмертных драматических творениях. Надо глубоко изучить архитектонику драматургии Горького, научиться тонко понимать природу мастерства писателя во всем его идейно-художественном значении, во всем своеобразии и новизне формы.

Изучая непревзойденные образцы горьковской драматургии, поражаешься прежде всего умению писателя лепить образ, выписывать характер. Я имею в виду глубинное, исчерпывающее выявление силы духа или ничтожества, орлиной мощи или пошлости. Поучительно и знаменательно, что люди у Горького, как ни у одного писателя его времени, показаны в наивысшем выражении возможностей их натуры, их духа. Вспомним хотя бы такие монументальные фигуры, как Егор Булычов, Васса Железнова. Вот такому изображению людских характеров должны учиться наши драматурги. У нас же, как правило, мы не видим героев в пору полного разворота сил и дарования.

Нужно осмыслить с позиций марксистско-ленинской эстетики утвердившиеся в творческой практике наших видных драматургов законы драматургии социалистического реализма. С этих позиций очень просто раскрывается фальшивая, чуждая природа так называемой «теории» бесконфликтности. С этих позиций нетрудно будет показать ошибочность взглядов тех драматургов (а их, к сожалению, немало), которые в своих пьесах подменяют настоящую борьбу борьбой мнимой.

Следует сказать, что этот недостаток особенно характерен для некоторых пьес драматургов братских республик. Они нередко строятся на искусственных любовных недоразумениях, на временных расхождениях в мнениях, на частных спорах, касающихся усовершенствования методов труда, и т. д. Все это в значительной степени и есть та самая мнимая борьба, которая не может стать основой серьезной и глубокой драмы.

Подлинное развитие драматургии невозможно без широкой творческой разработки теоретических проблем. Не случайно классики нашей литературы, от Пушкина до Горького, великие представители литературно-критической мысли уделяли столько внимания теории драмы.

Слабость наша в теоретических вопросах сказывается в драматургической практике. И сейчас, когда в драматургии началось заметное оживление, как никогда важно всерьез заняться теорией советской драмы. Это — долг и писателей, и критиков, и деятелей сценического искусства.

Украинское республиканское издательство «Мистецтво» к празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией выпускает (в трехцветной печати) новый большой портрет Богдана Хмельницкого (масло) работы заслуженного деятеля искусств УССР М. Дерегуса

Фото Я. Паволоцкого

ЖУРНАЛЫ В ДЕКАБРЕ

1953 год на исходе. Литературно-художественные журналы заканчивают в декабре печатание крупных произведений прозы. **«Знамя»** публикует последнюю часть романа Л. Леонова «Русский лес», **«Новый мир»** — конец романа В. Пановой «Времена года», **«Звезда»** — заключительные главы романа И. Кремлева «Солдаты революции», **«Октябрь»** — конец второй части романа А. Первенцева «Матросы».

В декабрьских номерах журналов читатели найдут несколько небольших повестей и ряд рассказов и очерков. Об участии молодежи в восстановлении Сталинграда рассказывает в своей повести «В Сталинграде» Е. Герасимов («Новый мир»). Людям эстонского колхоза, их трудовым будням посвящена повесть «Новые хлеба» М. Рауда, печатающаяся в журнале **«Лооминг»** («Творчество»). Молодой белорусский прозаик А. Олешко в повести «Дружба» пишет о советских летчиках (журнал **«Полымя»**).

В журнале «Октябрь» печатается новая пьеса Назыма Хикмета «Первый день праздника». Комедия белорусского драматурга К. Губаревича «Простая девушка» — о росте сознания колхозной и рабочей молодежи — публикуется в журнале «Полымя».

Рассказам большое место уделяет журнал **«Дніпро»** (Украина). В их числе: «Большой свет» — украинского прозаика М. Шумило, «Весенними днями» — белорусского писателя И. Шамякина и подборка рассказов современных польских писателей Е. Корчака — «Само не придет», А. Мадейовой — «Петля», Т. Ясинского «Сила жизни» и М. Сломчинского «Рассказ о серебристом лососе». Ф. Певнев публикует в «Звезде» рассказ «Лето в Раздольном», Д. Холендро в «Октябре» — рассказ «Дорога в степь»; в «Новом мире» печатается рассказ английской писательницы Дорис Лессинг «Старый вождь Мшланга» — из южно-африканской жизни.

С новыми поэтическими произведениями выступают в журналах С. Щипачев («Новый мир»), С. Бытовой («Звезда»), украинские поэты Л. Забашта, М. Стельмах, Я. Шутько, И. Муратов («Дніпро»), белорусские поэты М. Танк, П. Макаль, В. Корбан («Полымя»). П. Антокольский печатает в «Знамени» «Атлантический цикл», татарский поэт Салих Баттал — отрывки из повести в стихах о колхозной жизни «По столбовой дороге» («Новый мир»), молодой латышский писатель А. Имерманис — поэму «Где встретятся все корабли» («Звезда»).

Большинство очерков, помещенных в журналах, — на темы колхозной жизни.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

БЕСПРАВНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Принято считать, что «Советский писатель» — издательство Союза советских писателей. И при центральном издательстве, и в ленинградском его отделении есть редакционные советы, состоящие из писателей, планы выпуска книг утверждаются секретариатами Союза писателей СССР и Ленинградского отделения ССП. Казалось бы, ленинградская писательская организация, исходя из интересов развития советской литературы, должна иметь возможность направлять работу ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Но дирекция «Советского писателя» придерживается, видимо, другого мнения.

В отношении к ленинградскому отделению издательства дирекция «Советского писателя» усвоила и твердой рукой проводит систему бюрократического руководства, начальственного окрика. Даже не вдаваясь в конкретное рассмотрение той или иной рукописи, тов. Корнев решает вопросы, не считаясь с мнением писательской общественности Ленинграда, не доверяя мнению редакционного совета. Чтобы добиться издания нужной книги, приходится сплошь и рядом долго спорить, доказывать, посылать «делегации» в Москву, преодолевать всяческие бюрократические рогатки.

В Ленинграде растет число молодых писателей. Естественно было желание редсовета включить сборник их рассказов в план 1954 года. Но тов. Корнев, не доверяя ни редсовету, ни редакторам своего отделения, заявил буквально следующее:

— В план не включу. Подготовьте сборник, положите мне на стол, прочитаю. Будет хорош — приму.

С особым недоверием встречаются литературно-критические работы. Для того, чтобы издать подготовленные ленинградскими литературоведами и критиками сборники статей «Оружие мира», «Великая сила труда», «Советская поэзия и народное творчество», приходилось буквально «продираться» сквозь выставленные издательством рогатки.

Столь же непонятна позиция издательства в отношении переизданий.

Ленинградское отделение включило в план книги, получившие хорошие отзывы в прессе и у читателей,— «Генералиссимус Суворов» Л. Раковского, «Ярослав Домбровский» Д. Гранина, повести и рассказы Л. Пантелеева и другие. Росчерком пера эти книги исключены из плана. Почему? Издательство утверждает, что переиздавать книги, впервые вышедшие в другом издательстве, оно не будет. Зачем же такая формальная установка? Не правильней ли будет руководствоваться только интересами читателей, интересами развития советской литературы!

В Ленинграде имеется большое отделение издательства с квалифицированным редакционным аппаратом, с редсоветом, состоящим из авторитетных писателей, а голоса они не имеют! Затевая какое-нибудь новое, полезное издание, они заранее знают, какой долгий путь предстоит этому начинанию, через какие мытарства оно будет пробиваться.

Областное издательство в Ярославле или Горьком имеет возможность подготовить и выпустить в свет произведение местного писателя, а ленинградское отделение издательства «Советский писатель» зачастую оказывается в худшем положении.

Достаточно сказать, что за весь 1953 год здесь выпущено всего двадцать пять книг, из которых одиннадцать — из серии «Библиотека поэта». В план 1954 года включена только 21 книга, в том числе лишь 7 новых книг ленинградских прозаиков и 6 сборников стихов (из них — половина переводных). Внести в план какое-либо изменение, продиктованное самой жизнью, включить новую книгу — это дело настолько долгое и трудное, что за него часто не хочется и приниматься.

Такое положение дальше нетерпимо. У ленинградских писателей, крупного отряда писателей, издательские возможности и без того крайне недостаточны. Напомним, что несколько месяцев тому назад издательство «Молодая гвардия» закрыло свое ленинградское отделение, где вышло немало хороших книг и где вокруг альманаха «Молодой Ленинград» группировалась молодежь. Ленинградские писатели очень хотят возобновить выход этого альманаха на базе «Советского писателя», но... можно ли заговорить об этом, когда не только альманах, но даже сборник рассказов молодежи встретил более чем холодный прием?

Мы думаем, что президиум Союза писателей СССР должен положить конец создавшемуся нетерпимому положению. Ленинградское отделение ССП должно получить деловую самостоятельность в решении вопросов об издании книг, конечно, в рамках общего издательского плана и под общим контролем центрального издательства. Бюрократическая волокита не помогает борьбе за качество, а лишь сковывает ответственную, хозяйскую заботу редакционного коллектива и писательской организации о своем кровном деле.

В. ДРУЖИНИН, В. КЕТЛИНСКАЯ, Е. КАТЕРЛИ, В. КОЧЕТОВ, В. ПАНОВА, Г. ХОЛОПОВ.

Дискуссия о лирике

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** В Доме писателя имени В. В. Маяковского закончилась дискуссия о лирической поэзии, проведенная секцией поэтов и комиссией по критике и теории литературы.

Дискуссия открылась вступительным словом В. Саянова и докладом А. Чивилихина «О некоторых вопросах развития русской советской поэзии».

Докладчик отметил, что наша поэзия, в особенности лирическая, все еще отстает от требований жизни, не удовлетворяет читателя, что в очень многих произведениях интеллектуальный мир советского человека предстает в обедненном виде. Поэты нередко отступают от требований социалистического реализма, невзыскательно относятся к своей работе, недостаточно заботятся о высоком идейном и художественном уровне своих стихов. В творчестве многих поэтов сказывается недооценка лучших традиций русской классической и советской поэзии.

Докладчик анализировал отдельные произведения, появившиеся в печати в последнее время, творчество молодых литераторов.

Все же доклад не удовлетворил участников дискуссии. В нем не были поставлены многие проблемы развития лирической поэзии, не было серьезных и глубоких обобщений и выводов.

Недостатки доклада не могли не сказаться на общем уровне дискуссии — вначале разговор шел несколько «вразнобой» (не было даже единого мнения о предмете дискуссии: то ли это должна быть, как и предполагалось, дискуссия только о лирике, то ли о поэзии вообще), говорили по преимуществу о частных, второстепенных вопросах. Только под конец уровень дискуссии несколько повысился, и завязался взволнованный, серьезный разговор, которого все ждали. В нем приняли участие О. Берггольц, М. Алигер, В. Инбер, В. Друзин, А. Решетов, И. Сельвинский, Н. Грибачев.

Дискуссия продолжалась четыре дня. В ней участвовали не только поэты и критики, но и студенческая молодежь, работники библиотек и издательств, члены литературных кружков, читатели. Большой зал писательского клуба все четыре дня был переполнен. Этот живой интерес весьма убедительно свидетельствует о том, как нужны широкие, свободные обсуждения насущных вопросов нашей литературы. Тем более досадно, что дискуссия была плохо подготовлена, что многие выступления носили непринципиальный, случайный характер и что собравшиеся в Доме писателей многочисленные читатели не получили ответа на волнующие их вопросы развития советской поэзии.

Новые книги

Аношкин М. Инструктор горкома. Повесть. Благовещенск. Амурское книжное издательство. 108 стр. Цена 2 руб. 75 коп.

Вишневский П. У синих гор. Рассказы. Краснодарское книжное издательство. 80 стр. Цена 1 руб. 25 коп.

Константинов В. На рельсах. Повесть. Молотовское книжное издательство. 226 стр. Цена 5 руб. 80 коп.

Кудимов В. Мать. Повесть. Смоленское книжное издательство. 94 стр. Цена 1 руб.

Куприн А. Сочинения в трех томах. Гослитиздат. Т. 1. 568 стр. Цена 10 руб. 90 коп. Т. 2. 511 стр. Цена 9 руб. 30 коп. Т. 3. 576 стр. Цена 10 руб.

Пушкин А. Избранное. Гослитиздат. 696 стр. Цена 12 руб. 40 коп.

Спиридонов В. Дорога смелых. Повесть. Дополненное и переработанное издание. «Молодая гвардия». 223 стр. Цена 3 руб. 65 коп.

Ткачев Н. Бессмертие героев. Стихи. Сталинградское книжное издательство. 64 стр. Цена 1 руб. 10 коп.

Федоров В. Любовь моя. Книга стихов. «Советский писатель». 92 стр. Цена 1 руб. 95 коп.

Шорин Н. По берегам Ветлуги. Рассказы. Костромское книжное издательство. 116 стр. Цена 1 руб. 85 коп.

Степан ЩИПАЧЕВ

Путь к поэзии

За последнее время появилось немало интересных и содержательных статей о поэзии, ставящих общие вопросы и отдельные проблемы мастерства. Однако потребность в серьезном разговоре о поэзии не исчерпана ими.

У многих поэтов, особенно старшего поколения, накопился большой творческий опыт; у каждого из них установились свои определенные взгляды на поэзию, и, думается, было бы небесполезно, если бы они на основании своей литературной и гражданской биографии попытались осмыслить свой путь — свои удачи и поражения. Это дало бы материал для более широких обобщений и помогло бы делу воспитания молодых поэтов.

Может показаться, что я просто рассказываю свою биографию. Но это не так. И воспоминания тяжелого детства, и многолетняя служба в Красной Армии, и встречи — даже мимолетные — с выдающимися людьми нашего времени, и политическая учеба, — все это имеет прямое отношение к стихам. По моему глубокому убеждению, нельзя стать поэтом, не накопив большое количество жизненных наблюдений, впечатлений и переживаний. И если поэт находит свой угол зрения на жизнь, выражает мысли, получающие отклик у читателей, то этим он прежде всего обязан самой жизни, непосредственно увиденному и перечувствованному. Путь к поэзии определяется не только литературным опытом, а прежде всего самой жизнью, участием в ней поэта.

Родился я в 1899 году на Урале, в деревне Щипачи, в семье крестьянина-бедняка. Отец умер, когда мне было не то три, не то четыре года. О нем я помню только одно: когда его хоронили, бабушка заставила меня бросить на гроб горсть земли. Мать осталась с кучей детей. Из них я был самым младшим. «Большаком» в доме сделался брат, который был старше меня на десять лет. Жить стало трудно: бабушке пришлось ходить со мной по дворам просить милостыню, сестры пошли в прислуги.

Учился я только полторы зимы в деревенской церковно-приходской школе. Когда мне было лет девять, меня отдали в работники («в строк», как у нас говорили) в дальнее село Филатово. Увез меня хозяин из родной деревни, усадив позади себя на лошадь. Была ранняя весна, воскресенье, ребята у завалинок играли в бабки. Было до слез жалко уезжать от матери, от товарищей по играм. Батрачил я два года.

Одиннадцати лет вместе с другими деревенскими бедняками я ушел работать на асбестовые прииски (теперь город Асбест). Первый год работал на участке, где были одни татарские мальчики. Я был самый младший среди них и единственный русский. Работа была тяжелая: просеивали через грохота асбестовый мусор. Но не от тяжелой работы, — к ней я был уже привычен, — а от того, что не понимал языка окружавших меня ребят, часто на глаза навертывались слезы. Тогда кто-нибудь из мальчишек подходил утешать меня, повторяя ласковое слово «малайка».

В следующем году я работал уже, как взрослый, в забое, вместе со своими деревенскими, хотя в отличие от взрослых получал не шестьдесят копеек за двенадцатичасовой рабочий день, а тридцать. На прииске при мне была забастовка, длившаяся несколько дней. Мы, ребята, бастовали вместе со всеми.

В начале 1914 года я поступил в лавку братьев Лагукиных, в городе Камышлове: сперва служил «мальчиком», потом стал приказчиком. В лавке, кроме скобяных, галантерейных и прочих товаров, продавались книги. Постоянное соприкосновение с книгами приохотило меня к чтению. Я острее почувствовал свою малограмотность; стал за небольшую плату ходить заниматься к одному гимназисту.

Стихи я полюбил еще в церковно-приходской школе. Помню, учительница перед тем, как задать учить стихотворение «Бородино», прочитала его нам вслух. Ребятам оно понравилось, но большого впечатления не произвело на них, а меня оно просто ошеломило. Несколько дней я ходил, как оглушенный, твердя его наизусть. Может быть, тогда и запала в мою душу первая искорка поэтического волнения. Но я был уверен, что поэты жили на свете когда-то давно, а живых поэтов теперь нет, так же как нет богатырей, о которых я читал в книгах. Еще не скоро я узнал, что есть поэты, которые живут и пишут сейчас.

Впервые я попытался написать нечто похожее на стихи не то в 1915, не то в 1916 году. Я писал о войне, о раненых солдатах, вернувшихся с фронта; в 1917 году пошли стихи и целые поэмы о «царекровопийце» и о «буржуях-вампирах». Все это я читал товарищам и, конечно, получал одобрение.

В мае 1917 года я был призван в армию. Служил в городе Глазове Вятской губернии. Там меня и застала Великая Октябрьская социалистическая революция. Часть, в которой я служил, была самой большевистски настроенной частью в гарнизоне. Вместе с другими солдатами я выполнял некоторые поручения партийной организации. Во время агитационной кампании по выборам в Учредительное собрание разбрасывал и расклеивал листовки. В стихотворении «Глазов» у меня об этом говорится:

Заборы, заклеенные до неба,
Мы перекрещивали четверкой,
Чтоб в Учредилке за мир и за землю
Солдатским прикладом гремела четверка.

(Под четвертым номером по Вятской губернии шел большевистский бюллетень). В Глазове я постиг политические азы. Впервые услышал там понятные и дорогие солдатскому сердцу речи большевиков. Старая царская армия разваливалась. Весной 1918 года я вернулся домой.

В середине лета 1918 года наша местность была занята Колчаком. Белые вскоре провели мобилизацию. Был мобилизован и я. Но я твердо решил, что стрелять в своих ни за что не буду. Накурившись до сердцебиения махорки, я пошел в полковой околодок и пожаловался фельдшеру на боль в груди. Он рассеянно выслушал мое сердце и, не раздумывая, написал: «В нестроевые». Меня зачислили в учебную команду 27-го Камышловского полка каптенармусом. Полк стоял в Екатеринбурге (Свердловске).

Весной 1919 года отправили на фронт и учебную команду. Находясь у белых, я не один раз был очевидцем жестокой расправы колчаковцев над рабочими и крестьянами. На всю жизнь запомнился мне один трагический эпизод. Учебная команда, двигаясь на фронт, на сутки остановилась в одной деревне. Деревня была забита телегами, двуколками; дымила походная кухня. Солдаты спешили с котелками за обедом. Я выдавал возле кухни порции ржаного хлеба. Неожиданно раздался вопль женщины. Все обернулись к изрезанному ручьями косогору. Там готовились расстреливать какого-то человека. Повар рассказал, что это деревенский большевик, арестованный сегодня утром. Было видно, как солдаты на косогоре вскинули винтовки. Маленький мальчик бегал вокруг, а человек, в которого целились солдаты, снял шапку и что-то крикнул.

Потом я видел, как расстрелянного везли в деревню. Мальчик, идя рядом с матерью, пугливо озирался по сторонам. Угрюмо смотрели на все это колчаковские солдаты, молча отворачивались и расходились. А мне хотелось кому-то высказать все, что я чувствовал, слова накипали на губах... В тот вечер я написал об этом стихотворение. Спрятал я его в чехол шанцевой лопаты, где хранил и другие свои стихи. Когда потом я перебежал на сторону Красной Армии, это стихотворение в первый же день было напечатано в листовках, которые разбрасывали с самолета над окопами белых.

На сторону Красной Армии мне удалось перебежать на станции Бугуруслан в середине апреля 1919 года. Перебежал я в легендарную Чапаевскую дивизию. Там мне довелось видеть Фурманова. Он куда-то ехал на деревенском «ходке». Стоявший рядом со мной красноармеец с гордостью сказал: «Это наш комиссар. Студент!» Последнее слово было произнесено с особым подчеркиванием: дескать, образованный, а вот видишь, вместе с нами — рабочими и крестьянами — пошел против буржуазии. «Ох, и смелый! Ничего не боится!» — добавил он.

Я просил, чтобы меня оставили красноармейцем в Чапаевской дивизии, но существовал приказ: перебежчиков в часть не зачислять, а отправлять в тыл, для новых формирований.

Мной заинтересовались в Самарском губкоме РКП (б). Этот интерес, как я потом понял, был вызван прежде всего агитационными соображениями. Мне предоставляли слово на собраниях, чтобы я рассказал о том, что видел у Колчака. Но из-за своей непреодолимой застенчивости я совершенно немел на трибуне. Мог только — и то напряженно и скованно — прочитать свои стихи. В первые дни жил в самом здании губкома, спал на диване.

Помню, как мне не терпелось приколоть на фуражку красноармейскую звездочку, но купить ее было не на что. Продал полотенце, на котором были метки, вышитые матерью, — и купил звездочку.

В Самаре несколько раз видел Куйбышева. Он запомнился мне высоким, с большим открытым лбом, в военной суконной гимнастерке; был он всегда весел, словоохотлив, прост в обращении. Один раз я слышал его на митинге; он выступал в театре перед красноармейцами, отправлявшимися на фронт. Речь его была необыкновенной силы и убедительности. Красноармейцы слушали его с горящими глазами, готовые хоть сейчас в бой.

Наконец, меня зачислили красноармейцем в часть, а через несколько недель нашу роту перевели в город Пугачев. Там я пробыл до осени. Участвовал в бою против уральских белоказаков, прорвавшихся к Пугачеву. В местной газете «Большевик» печатали мои стихи. Той же осенью 1919 года во время «Партийной недели» я вступил в коммунистическую партию

...На город шел Колчак. У мыловарни
Чернел окоп. В грязи была сирень.
А я сиял: я стал партийным парнем
В осенний тот благословенный день.

Эти строчки были написаны семнадцать лет спустя, но они точно передают мое тогдашнее душевное состояние.

В конце октября того же года меня послали в город Оренбург на кавалерийские курсы красных офицеров, как тогда говорилось. Оренбург, незадолго до того освобожденный от белоказаков, встретил меня неприветливо: уже началась морозная зима, свирепствовал тиф. На курсы меня приняли, хоть я и не был кавалеристом. Я надел курсантское обмундирование: брюки с красными кантами, новый дубленый полушубок, шапку. Ни общежитие, ни классы не отапливались, стекла во многих окнах были выбиты. По ночам нас часто подымала боевая тревога. Шел к концу суровый девятнадцатый год.

Я стал посещать литературное объединение. Ходил я туда с примерной аккуратностью и душевным подъемом. Не раз читал свои стихи. В Оренбурге впервые услышал имя Маяковского; это было на уроке: преподаватель тактики побывал в Москве и решил поделиться с нами, курсантами, впечатлениями от поездки.

— Слышал в Политехническом музее Маяковского,— сказал он.

...улица корчится безъязыкая —
ей нечем кричать и разговаривать

— с хорошей дикцией прочитал преподаватель. Строчки эти меня поразили непохожестью на все, что я до того читал.

Курсантом я был довольно активным, принимал участие в клубной работе, был председателем (тогда были председатели) партбюро. По окончании школы меня направили в Москву на восьмимесячные педагогические курсы, имевшие громкое название: «Высшая военно-педагогическая школа».

Был май 1921 года. В новеньком командирском обмундировании я впервые приехал в Москву.

За короткий срок учебы на курсах я все же приобрел кое-какие знания, хотя и довольно поверхностные, получил некоторое представление о таких дисциплинах, как диалектический материализм, политэкономия. Но дело было не только в учебе; я жадно впитывал все, что видел и слышал в Москве, не пропускал ни одного диспута, бывал на всех вечерах Маяковского в Политехническом музее, слушал Блока, лично познакомился с некоторыми поэтами. Но слишком уж зеленым приехал я тогда в Москву. Мои взгляды на поэзию были неустойчивы, литературный вкус не определился. Разобраться во всей пестроте столичной литературной жизни было мне не под силу. Тогда существовало множество всяких групп и группочек, каждая со своей декларацией, манифестом. Кричали, кривлялись все эти, как писал Маяковский,

...прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв,
футуристики,
имажинистики,
акмеистики,
запутавшиеся в паутине рифм.

Я тянулся к пролетарским поэтам, которые в то время были объединены в литгруппе «Кузница». Но у большинства из них изображение реальной жизни часто подменялось абстрактными схемами, все измерялось космическими масштабами. Только, пожалуй, стихи В. Казина и Н. Полетаева тогда несли в себе хотя и довольно скромную, но живую поэзию, славившую труд и утверждавшую нашу советскую действительность. В целом же поэзия «Кузницы» имела скорее всего отрицательное влияние на меня. Она толкала к громким, абстрактным стихам. Испытал я на себе и влияние имажинизма. Это выражалось в том, что я иногда относился к образу, как к самоцели, а не как к средству выражения.

Маяковский меня ошеломлял. Помню, в клубе поэтов-имажинистов «Стойло Пегаса» я купил его поэму «Война и мир». Там же, сидя на подоконнике, я прочитал ее

(Окончание на 4-й стр.)

МОЛОДОСТЬ АЛБАНИИ

Сергей ЮТКЕВИЧ

Народная республика Албания празднует девятую годовщину освобождения страны от фашистского ига. Светом счастья, свободы и труда озарены эти годы молодой республики. К этому свету сквозь столетия, омраченные нашествиями интервентов, турецким игом, кознями империалистических захватчиков, мужественно пробивался маленький, но стойкий, воистину неустрашимый албанский народ.

Праздник новой Албании — и наш праздник. Это праздник всех народов, идущих по пути свободы, мира, демократии и социализма. И отмечая вместе с албанским народом светлые дни его освобождения, мы не можем не вспомнить, что кровью тысяч и тысяч патриотов, павших в борьбе за независимость своей родины, завоевана и прославлена эта победа.

Свободолюбивая Албания лежала на пути римских полчищ, стремившихся завоевать Македонию, османских орд, мечтавших покорить Европу, византийских, венецианских, норманских рыцарей, отправлявшихся в бесчисленные походы, на пути фашистской — итальянской и германской экспансии.

И если с востока все еще как-то прикрывали горы, то с запада всегда беззащитными оставались морские границы.

Но сегодня и море стало союзником молодой республики. По морским просторам от друзей, из портов Советского Союза, Болгарии, Румынии, Польши плывут пароходы, но не с грузом войны, а с грузами мира. В их трюмах — машины для полей, ткацкие станки, продовольствие и промышленные товары.

На одном из пароходов мы плывем (или, как говорят мореходы, «идем») из Советского Союза. Пять морей (Черное, Мраморное, Эгейское, Ионическое и Средиземное) остались позади, шестое — Адриатическое встречает нас какой-то особой голубизной вод, теплым ветром и прозрачными, мягкими очертаниями береговых холмов, за которыми синеют хребты суровых и неприступных Албанских гор.

Облокотившись на перила судна, жадно всматриваются в очертания родной земли албанские студенты, возвращающиеся после нескольких лет учебы на свою гордую, независимую и свободную родину.

Серебряная седина снегов покрывает вершину самой высокой горы Южной Албании. «Отец Томор» — называют эту гору албанский народ и албанские поэты, воспевающие ее, как символ родины.

Родиной тот край зовут,
Где родился, где живу,
Где бродил я не однажды,
Где знаком мне камень каждый...

Эти строки албанского поэта-классика Антона Чако-Чаюпи вполголоса декламирует по-албански сухощавый, черноволосый, сероглазый студент-геолог. Из Софии в Тирану возвращается он, чтобы все свои знания, накопленные за четыре года учебы, отдать своей родине, народу.

Уже проплывает, а затем тает в синеве Томор, и впереди вырисовываются знакомые мне очертания желтых скал Дурреса. И пока призывно гудит на рейде наш корабль, приваливает к нему закопченный, видавший виды лоцманский катер и осторожно обводит его вокруг каменной полоски узкого мола, невольно вспоминается древняя и примечательная история этого города, «морских ворот» Албании.

Известный еще в VII веке до нашей эры под названием Эпидамна, этот удобный порт, расположенный поблизости от итальянских берегов, стал воротами войн, опустошавших в течение столетий албанскую землю.

И именно здесь, в Дурресе, 6 апреля 1939 года появились на рейде сто семьдесят три военных корабля, на бреющем полете пролетели со зловещим гудением шестьсот самолетов, на причалы высадилось шесть дивизий. В этот день фашистская Италия разыгрывала свой очередной военный фарс: «победоносное» завоевание маленькой — раздираемой феодальными распрями, проданной лакеем-«королем» Ахметом Зогу — Албании.

Но албанцы сражались. Они уходили в горы, служившие им всегда надежным приютом. Уходя, они истребляли врагов, они сжигали дома... Стихийно они проходили первые этапы той школы партизанской войны, которая потом там, в горах, под руководством Партии труда, окрепла, развилась, объединила их и превратилась в грозную силу, выкинувшую захватчиков с родной земли.

Дуррес сегодня — это город созидательного труда. Каждый день разгружаются на его пирсы бесчисленные ящики с машинным оборудованием, тракторами, станками, товарами. Это та бескорыстная помощь, которую оказывают могучий Советский Союз и страны народной демократии албанскому народу, получившему, наконец, возможность освободиться от колониальной зависимости и стать хозяином своей судьбы, своей экономики, своего будущего.

На самом высоком холме — мраморный дворец бывшего короля Ахмета Зогу. Это теперь — детский санаторий. На изумительном, тянущемся несколько километров песчаном пляже летом отдыхают тысячи трудящихся Народной Республики Албании. В прибрежных виллах открыты дома отдыха, а под сенью тополей и олив в дни школьных каникул располагается пионерский лагерь.

Из Дурреса берет свое начало дорога, являвшаяся в древности кратчайшим путем к восточным владениям Римской империи. Первые тридцать пять километров до албанской столицы — Тираны пролегают среди удивительно живописных, мягких по своим очертаниям, сравнительно невысоких холмов, на склонах которых расположились опрятные каменные деревушки, пашни и сады. Дальше, за Тираной, встретив первые хребты Албанских Альп, дорога уходит на головокружительную высоту, преодолевая бесчисленные перевалы.

Но ныне рядом с дорогой на Тирану, весело посвистывая, бежит по новой железнодорожной колее паровоз. Это — первая в истории Албании железная дорога. Для страны она больше, чем удобный способ передвижения, это — символ ее политической и экономической независимости. Поэтому и строили эту дорогу, как в дальнейшем и другие, необычным способом — дорога стала национальной стройкой, и основным ее творцом выступила молодежь.

Прокладка первых путей была сопряжена с огромными трудностями. Живописные холмы потребовали большого количества тоннелей. Если до Тираны удавалось как-то еще лавировать между холмами, то для второй ветки, имеющей большое хозяйственное значение и ведущей к одному из старинных городов Албании — Эльбасану, понадобилось прорыть несколько тоннелей. Здесь-то и появились те знаменитые ударники-проходчики, которых прозвали «львами тоннелей».

Стройка стала школой кадров. Более тридцати тысяч юношей и девушек, впервые спустившихся с гор, стали овладевать новыми профессиями, политическими знаниями, впервые почувствовали себя коллективом.

Не нужно думать, что все это происходило очень просто, без борьбы, особенно, когда это касалось судеб девушек. Старый, консервативный уклад крестьянских семей рассматривал уход девушки из деревни вниз, в долину, в города, как грехопадение. Мне рассказывали об одном крестьянине, который, ослепленный религиозным мусульманским фанатизмом, обварил кипятком ноги своей дочери, желавшей во что бы то ни стало уйти на молодежную стройку.

Но ничто не могло задержать это движение к новой жизни. Теперь те же крестьяне, которые еще несколько лет тому назад с таким недоверием прислушивались к взрывам аммонала в горных ущельях, сегодня вместе со своими сыновьями и дочерьми принимают участие в прокладке новых дорог; самую знаменитую из них, ведшую к строящейся гидроэлектростанции на реке Мати, албанцы недаром назвали «дорогой света».

Шоссе, ведущее в Тирану, часто подходит вплотную к полотну железной дороги. Нас обгоняет утренний поезд. Из свежевыкрашенных вагончиков приветливо машут руками пассажиры, в большинстве — это крестьяне, отправляющиеся на базар (базарные дни, поочередно меняющиеся в каждом городе, служат здесь традиционным местом сборов крестьян прилегающих районов).

Недалеко от столицы, справа, раскинулся целый новый город — текстильный комбинат имени И. В. Сталина, рассчитанный на выпуск двадцати миллионов метров тканей в год. Это первенец первой албанской пятилетки, и поэтому с такой нежностью отзываются о нем албанцы, и это — первое место, куда они приглашают вас в гости.

В больших, просторных, пронизанных солнечными лучами цехах, уставленных новенькими советскими станками, вдохновенно и прилежно работают молодые ткачихи, впервые от деревенских прялок перешедшие к самым совершенным в мире машинам. Они еще очень молоды, эти албанские текстильщицы, но они ткут не только первую ткань, а и свою новую судьбу, свое счастье, свое будущее. Это удивительная радость — видеть здесь молодость рабочего класса, молодость, впервые познавшую счастье творческого труда. Самые «пожилые» здесь мастера — пареньки лет по двадцати с небольшим. С гордостью показывают они станки и, стараясь перекричать их шум, говорят: «Передайте привет Москве, ведь мы с Трехгорки!»

Да, они с Трехгорки. Они уже хорошо говорят по-русски: свою первую школу эти текстильщики прошли на Красной Пресне. В далекую Тирану они стремятся перенести не только передовые технические навыки, но и славные традиции героического русского рабочего класса. В первый раз выпускают они со своих станков, из собственного хлопка добротную ткань. Из нее сшиты костюмы, в которые оделись делегаты албанской молодежи на Всемирный фестиваль в Бухаресте. Надо было видеть, с какой гордостью носили они эту одежду. Ведь это в первый раз свое, не иностранное, завоеванное в борьбе и труде.

Под руководством Партии труда преображает свою землю, идет по пути мира и социализма албанский народ. И где бы вы ни побывали — в столице республики Тиране или в горной Пешкопии, на нефтепромыслах города Сталин или в теплых долинах Юга, — повсюду можно увидеть ростки нового, леса строек, новые очаги культуры. И повсюду вы услышите слова любви и благодарности албанцев советскому народу, ибо и стар и млад знают здесь: освобождение албанского народа стало возможным в результате разгрома гитлеровской Германии Советской Армией. Советская страна помогала и будет помогать впредь трудолюбивому албанскому народу в строительстве новой жизни.

Строя и укрепляя свою родину, албанцы вносят и свой вклад в борьбу миллионов людей за мир во всем мире. Вот почему вместе со всеми трудящимися лагеря мира и демократии мы шлем слова привета и пожелания новых успехов албанским друзьям в дни их великого праздника — праздника Освобождения.

АМЕРИКАНСКИЙ ДЯДЯ И „ПАЙ-МАЛЬЧИК“ СПААК

Перед нами на снимке два немолодых, лысеющих джентльмена. Они в явно благодушном настроении. Один из них покровительственно пошлепывает другого по лысине. Умильно-подобострастное выражение лица «обласканного» не оставляет сомнений в том, что эта ласка воспринимается им, как высокая награда.

Кто же это? Расчувствовавшийся хозяин, по случаю выгодной сделки подвыпивший со своим усердным приказчиком? Это предположение недалеко от истины. Западногерманская газета «Ди нейе цейтунг», поместившая этот снимок, поясняет: американский сенатор Уайли «сердечно приветствует» лидера бельгийских правых социалистов Поля Анри Спаака.

Имя сенатора Александра Уайли — председателя комиссии по иностранным делам сената США — хорошо известно. Это один из наиболее рьяных проповедников агрессии и экспансии, глашатай политики «холодной войны».

Имя Поля Анри Спаака не менее известно. Право-социалистический лидер сделал своим призванием торговлю независимостью и национальным суверенитетом не только Бельгии, которая считается его родиной, но и других западноевропейских стран.

Американские империалисты, стремясь подчинить своему господству Западную Европу, пытаются разъединить европейские страны, разобщить их, ослабить их волю к сопротивлению. Именно эту цель преследуют разнообразные проекты так называемого «объединения Европы», которые на протяжении длительного времени, и надо сказать безуспешно, вынашиваются в Вашингтоне. Сначала под видом «Объединенной Европы» и «Европейского совета», теперь под соусом «европейского политического сообщества» и «малой Европы» европейским народам навязывают отказ от их национального суверенитета.

Спаак — один из наиболее рьяных исполнителей этого ответственного задания. Словно неутомимый коммивояжер, разъезжает он с американскими проектами «европейского политического и оборонительного сообщества». Его видели в этом году Анкара и Берлин, Афины и Страсбург и многие другие города. В Брюсселе — городе, где даже камни хранят память об ужасе фашистской оккупации, Спаак с трибуны парламента призывал ратифицировать боннский и парижский договоры. Он запугивал «угрозой с Востока» народ, который дважды испытал опустошительные нашествия армий германского милитаризма.

Совсем недавно, 19 ноября, выступая в бельгийской палате депутатов, Спаак ратовал за включение реваншистской Западной Германии в «европейское оборонительное сообщество». Лидер бельгийских правых социалистов принимал активное участие в подготовке открывшегося 26 ноября в Гааге совещания министров иностранных дел Италии, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Западной Германии и Франции, где обсуждается проект «европейского политического сообщества».

...Поседевший в предательстве, право-социалистический «пай-мальчик» вполне заслужил ласку своего американского «дяди».

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Датская буржуазная газета «Информашон» в № 131 за этот год поместила заметку под названием: **«Признание заведующего отделом печати»**. В заметке говорится:

Information

En pressechefs tilstaaelse

Pressechefen for det franske

«Заведующий отделом печати французского министерства иностранных дел барон Жак Бэйян вызвал во Франции сенсацию, заявив, что его задача, как дипломатического представителя, состоит в том, чтобы «mentir et démentir», — в переводе на датский язык это означает «лгать и опровергать». Говорят, что его маленький каламбур привел в бешенство чиновников с Кэ д'Орсэ, обвиняющих его в нетоварищеском поступке, так как он в кои-то веки выразил свое искреннее мнение и сказал правду».*

Комментарии излишни!

* Улица в Париже, на которой находится французское министерство иностранных дел.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

ЦИНИЗМ, ПАХНУЩИЙ ПРОВОКАЦИЕЙ

Слова, служащие заголовком этой статьи, взяты нами из письма, полученного редакцией парижского еженедельника «Фигаро литерер» от читателя М. Тюркэ.

Так определил читатель характер опубликованного этой газетой 31 октября рассказа некоего Анри Калэ «Тринадцать лет спустя...». Нельзя не согласиться с этим определением и не разделить возмущения честных французов, увидевших в рассказе Калэ разительный пример тех мерзких способов, к которым прибегают предатели Франции, оскверняя то, что дорого и свято для каждого француза, любящего свою родину.

Французские патриоты, борясь сегодня против возрождения гитлеровского вермахта, обращаются к памяти своих героев — воинов, павших в боях с нацистскими захватчиками. Эта память, живущая в сердце народа, стоит нерушимой преградой на пути тех, кто хочет заставить французских солдат служить под командой битых гитлеровских генералов. Атлантические стратеги стремятся разрушить эту преграду. Они рады были бы забросать грязью плиты на могилах французских воинов, чтобы никто не мог узнать об их мужестве, об их любви к родине, об их ненависти к фашизму. Липким комом такой грязи и является рассказ Анри Калэ.

Автор этого омерзительного рассказа делится своими воспоминаниями, вызванными совершенной им осенью этого года поездкой на автомобиле по местам отступления французской армии в июне 1940 года. Он описывает, как вместе с четырьмя такими же, как он, трусами бросил свою часть и бежал с позиций, которые предполагалось защищать. Автор рассказа не только не испытывает каких-либо угрызений совести, но, наоборот, издевается над теми, кто выполнял свой долг до конца. «Если мои сведения точны, — пишет он, — дюжина типов, которые действительно полагали, что следует защищать позиции, были убиты на месте на опушке леса, названия которого я не знаю. Для немцев это явилось, вероятно, забавным развлечением, чем-то вроде охоты. А в конечном счете это всего лишь увеличило на двенадцать человек число героев, имена которых выведены на памятниках из фальшивого мрамора в тех краях, где они были произведены на свет».

Развалившись на сиденье автомобиля, мемуарист - дезертир вспоминает о пережитом им страхе и пускается в следующие рассуждения: «Тот, кто плакал в 1940 году, смеется в 1953-м при тех же декорациях. Для этого было достаточно просто запастись терпением. Не так ли?»

Можно увеличить число примеров, характеризующих рассказ Анри Калэ, но думается, что и приведенные раскрывают провокационный характер его цинизма.

Что хочет доказать автор? Только то, что всякое сопротивление гитлеровской Германии было напрасно, а следовательно, в сегодняшних условиях напрасна борьба против возрождения вермахта.

Этот провокационный замысел рассказа «Тринадцать лет спустя» был разгадан читателями. В редакцию посыпались письма. Два из них были напечатаны в следующем номере газеты. Публикуя их, редакция пояснила, что она остановила свой выбор на рассказе Анри Калэ якобы потому, что «его страницы отличаются трогательной искренностью».

На этом можно было бы и закончить заметку о том, как «Фигаро литерер» пытался выдать за трогательную искренность «цинизм, пахнущий провокацией», однако ко всему сказанному нужно добавить следующее. В том же номере, где опубликованы письма читателей, газета напечатала новый рассказ, на этот раз принадлежащий перу Сержа Груссара и носящий название «Семья Брюкен». Рассказ посвящен прославлению воинских добродетелей полковника гитлеровских войск Карла Брюкена, ставшего одним из военачальников возрождаемого вермахта. От этого рассказа несет тем же провокационным цинизмом.

В заключение хотелось бы отметить, что в обоих номерах, где напечатаны эти рассказы, «Фигаро литерер» ведет дискуссию о том, как следует преподавать мораль в старших классах французских лицеев. Газета публикует перечень моральных качеств, которые она предлагает воспитывать у школьников. Тщетно было бы искать в этом списке такие слова, как «национальное достоинство» и «любовь к родине». Впрочем, этих слов нет и в цитируемой «Фигаро литерер» официальной инструкции, вводящей преподавание морали. Очевидно, и страницы этой инструкции разъедает пахнущий провокацией цинизм.

Рис. И. Семенова

Н. РАЗГОВОРОВ

Путь к поэзии

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

единым духом. Ни одна книга до того не производила на меня такого покоряющего впечатления.

Окончив педагогические курсы (февраль 1922 г.), я получил назначение в Крым. В качестве армейского политработника я служил в Крыму до осени 1925 года (сначала в Севастопольской артиллерийской школе, потом в Симферопольской кавалерийской). Служба занимала много времени, но я с упорством продолжал работу над стихами, и, конечно, те литературные влияния, которые я испытал в Москве, сильно отражались на моих стихах. К тому же в это время я не расставался с «Листьями травы» Уолта Уитмена.

Я полюбил овеянный военною славою Севастополь. И в моих стихах стало все больше появляться простых, конкретных строчек. Но развиться реалистическому началу мешало многое из упомянутых влияний, и прежде всего наивное подражание Уитмену. Мне казались слишком простыми для стихов живые детали реальной действительности, я искал поэзию не в живых людях, окружавших меня, а в некоем «космочеловеке»:

Смотрите,
Я землю
Себе на мизинец надел,
Из солнца
Колпак сделал.
Я ширюсь, расту
И слышу
Вселенский голос:
«Слава тебе, человек!»

В 1923 году в Симферопольском издательстве вышла первая книжечка моих стихов. Она называлась «По курганам веков». Вся она состояла из таких стихов, какие я только что привел. В начале следующего года я написал поэму, которая называлась «Гимн вечности», с подзаголовком «Космопоэма». К счастью, из нее был опубликован только маленький отрывок. Вероятно, такого рода «космориторикой» я увлекался бы еще долго, если бы не остудил мой пыл Константин Андреевич Тренев, живший в ту пору под Симферополем. Во время одного посещения его загородного домика — это было летом 1924 года — я прочитал ему свою «Космопоэму». Он внимательно выслушал и спросил: «А нет ли у вас чего-нибудь в другом роде?» Я прочитал ему только что написанное стихотворение «Прачка», которое и не собирался показывать. Он раскритиковал мою «Космопоэму» и, смеясь, говорил: «Вы лучше воспойте мой велосипед — толку будет больше. Оторвались от земли!» «Прачку» он похвалил. Особенно понравилось ему начало стихотворения:

Бьется в корыте белая вьюга,
Сильные руки в воде горят.

Эта встреча с Треневым оказала мне большую помощь в поисках правильного пути. Риторике и схематизму я отдал еще немалую дань, но живой голос стал пробиваться все чаще и чаще.

В январе 1926 года меня перевели в Москву, в артиллерийскую школу, на ту же работу преподавателя обществоведения. Мое желание сбылось: я был снова в Москве. Я выкраивал время ходить на литературные собрания. В этом же году мои стихи стали появляться в журнале «Октябрь», позже — в «Прожекторе» и других журналах. Были напечатаны такие стихи, как «Лефортовская ночь», «Русый ветер, какой ты счастливый», которые я и теперь включаю в свои сборники; да и в других опубликованных тогда стихах уже можно было найти немало, на мой взгляд, точных и ясных строчек и строф. Но я и тогда еще не мог по-настоящему разобраться, что хорошо в моих стихах, что плохо, и живая струя в них часто терялась в нагромождении риторических и общих строк, порою довольно неуклюжих:

...Уголь в топках и песнях, гори!
Под грузом любым не согнем плечо.
Каждую искру индустрии,
Каждый удар — на учет.

К сожалению, стихов такого рода в моих первых сборниках, вышедших в московских издательствах, — «Одна шестая» (1931 г.), «Наперекор границам» (1932 г.), — было еще много, и поэтический уровень этих сборников определяли в значительной мере они. Против лирических стихов у меня, как у многих поэтов, существовало тогда предубеждение. Оно внушалось поэтам той рапповской псевдоортодоксией, которая господствовала тогда в литературе.

В 1930 году было создано литературное объединение Красной Армии и Флота (ЛОКАФ), в организации и работе которого я принимал деятельное участие. Объединение стало издавать журнал, носивший сперва название «ЛОКАФ», а затем «Знамя». Организация эта была довольно активная: проводилось много литературных вечеров, поездок в воинские части. «ЛОКАФ» направлял внимание писателей на оборонные темы. Я с большим жаром взялся за публицистические стихи ораторского плана, не понимая, что и в этих темах мне свойственнее оставаться лириком.

Осенью 1931 года я поступил в Институт красной профессуры, на литературное отделение. Впервые за много лет я сменил военную форму на гражданский костюм. Но чувство благодарности навсегда связало меня с нашей армией, которая вывела меня в люди. Этим чувством и были подсказаны мне слова: «Красная Армия — кровь моя, моя биография, моя школа». С моей общеобразовательной подготовкой учиться в институте было трудно, но все же он дал мне много, хотя бы потому, что за годы учебы в нем я систематически и глубже, чем когда-либо раньше, изучал русскую и западную классическую литературу.

Учась в институте, я написал поэму «Фронтовики». Она также не стала моей удачей. Хотя написана она была в реалистической манере, но под явным влиянием формалистов: в ней непомерно много уделялось внимания ломке строки, строфики, смене размеров и т. п. Поэма ритмически получилась «ухабистой», неудобочитаемой.

Но в последующие годы у меня все чаще стали появляться лирические стихи, в которых уже отчетливо намечался мой настоящий путь. Была написана также большая поэма «Еланин», над которой я работал два года. В этой поэме я пытался решать вопросы об отношениях поэзии и действительности, о месте поэта в жизни. Несмотря на ряд отдельных удач, хороших кусков и даже глав, поэма в целом не получилась. Все же работа над ней была для меня серьезной школой стиха, школой композиции. Поэма была рыхлой, сюжетно слабо скрепленной, но лирические ее элементы оказались жизнеспособными, и в последующие мои сборники вошли в виде отдельных вещей многие отрывки из поэмы: «Встреча на Бермамыте», «Курсанты», «Товарищи», «Слезы», «Пусть жизнь твоя не на виду» и др. Все это определило меня как лирика. Но это произошло уже во второй половине тридцатых годов. Очевидно, тогда — после долгих поисков и срывов — я и нашел свой голос, свою интонацию в поэзии. Я стал более вдумчиво относиться к работе над формой, старался дисциплинировать стих, добивался лаконизма, слитности образа и мысли.

Хочется привести один пример: как я писал стихотворение «Березка», которое не раз потом отмечалось критикой как одна из моих удач. В мае 1937 года, будучи за городом, я зашел в один дом. Переступив порог, я увидел в синем квадрате окна тонкую, гибкую березку, с только что распустившимися листьями. Она поразила меня молодой женственной прелестью. В тот же день, кажется, за несколько минут, я написал две строфы:

Ее к земле сгибает ливень
Почти нагую, а она
Рванется, глянет молчаливо, —
И дождь уймется у окна.
И в непроглядный зимний вечер,
В победу веря наперед,
Ее буран берет за плечи,
За руки белые берет.

Дальше слова не шли, а стихотворение было явно не закончено. Чувство формы подсказывало мне, что требуется еще только одна строфа, но вот она-то и не удавалась. Бился я над ней целый день и все варианты перечеркнул. Несколько раз потом я снова возвращался к ней — и снова откладывал, не добившись толку. Все варианты этой строфы, которая должна была стать концовкой стихотворения, получались или описательными, или рассудочными. И тот идеальный образ женщины, который виделся в березке, оставался незаконченным. Тут требовалась строфа, заключающая в себе то «ядрышко» мысли, которое должно дать жизнь стихотворению, требовалась строфа, которая помогла бы раскрыть характер женщины, ее душевную цельность. Только через год, еще раз вернувшись к этому стихотворению, я одолел эту неподатливую строфу:

Но, тонкую ее ломая,
Из силы выбьются... Она...
Видать, характером прямая,
Кому-то третьему верна.

Теперь и мысль и образ стихотворения получили законченность.

С конца 1936 года до начала Великой Отечественной войны я был членом партийного комитета и принимал активное участие в работе партийной организации Союза писателей. Вспоминаются бурные заседания, с которых я нередко приходил домой уже за полночь. В эти же годы были написаны стихи, которые и сейчас составляют основное ядро моих книг. Участие в партийной работе помогало острее чувствовать, ярче видеть.

...На улице весна давно,
Дождем обрызгана трава,
А тут еще зима в правах...
Но секретарь рванул окно —
И ветки бросились к рукам,
К его горячему лицу.
Гул самолетов, детский гам,
Землей пахнуло, как в лесу;
Земля от яблони бела,
И годы впереди ясны.
Решать партийные дела
Нельзя, не чувствуя весны.

Наибольшие удачи мне принес 1938 год. Тогда я написал больше двадцати лирических стихотворений: «У моря», «Тебе», «Начало пятого, но мне не спится», «Мичурин» и др. В 1939 году лирические стихотворения вышли отдельным сборником. В журналах стали появляться новые стихи этого плана: «Седина», «По дороге в совхоз», «Две даты», «Здесь было горе горькое бездонным» и многие другие. О моих стихах заговорила критика. Я стал получать доброжелательные, сердечные письма от читателей. Откликнулись и некоторые писатели. Особенно порадовало меня письмо Алексея Николаевича Толстого. Лестно отозвавшись о моей работе, он добавлял: «...живите и думайте по-своему. Поэзия — это редкая удача». Все это меня ободряло. Мне впервые довелось познать радость литературного успеха.

Что же произошло? А произошло то, что мне удалось, наряду с преодолением тех литературных влияний, которые мешали, преодолеть свою душевную скованность. Я понял, что лирический поэт не сможет раскрыть духовный мир человека, не раскрывая себя. Я понял: чем больше поэт доверяется людям в своих самых сокровенных чувствах и мыслях, тем нужнее, ближе он становится своему читателю, если, конечно, сам он настоящий советский человек, если он живет общей жизнью с народом.

Я и тогда был убежден, что больше всего, пожалуй, нам недостает поэта-трибуна. Но мне было ясно и то: чем многообразней поэзия, тем полнее сможет она выразить чувства и мысли народа. Страстная поэтическая публицистика, сатира, эпос, вдохновенные стихи о природе, о радостях и горестях любви, раздумья, шутка — все это должна нести в себе наша поэзия.

Антинародная, читаемая только в узком кругу рафинированных ценителей, буржуазная декадентская поэзия давно потеряла всякие права на общечеловеческие темы. Вместо гуманизма и веры в человеческий разум она проповедует человеконенавистничество, внушает скептицизм и уныние. Вместо чистых высоких чувств любви воспевает извращенные эротические ощущения. Ей стали чужды живые слова о материнстве, о дружбе, о человеческом горе и счастье. Все эти темы должны найти и находят новую жизнь в нашей поэзии, в поэзии высокого гражданского накала и подлинной человечности.

Такие размышления прибавляли мне уверенности в работе, вносили ясность в мое понимание задач советской поэзии, в понимание своего скромного места в ее многообразном, но едином оркестре.

Свои наброски я заканчиваю 1939 годом, когда, на мой взгляд, завершилось мое «самоопределение» в поэзии.

У молодых советских поэтов, разумеется, могут быть свои творческие трудности, им также не каждому сразу удается найти свой путь к поэзии, но биография любого из них складывается, конечно, совсем поиному, чем у меня: почти все они в детстве нормально учатся, с юности овладевают культурой, да и поэзия наша давно вышла на широкую дорогу реалистического отражения жизни, так что поэтам уже не надо тратить силы на то, чтобы продираться сквозь чертополох всяческих литературных «измов». Но, может быть, и мой путь будет поучителен для тех, кому не хватает настойчивости или для тех, кто с излишней самоуверенностью надеется в два прыжка взобраться на Парнас.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03863.